
Яна Алимова
Вера Серафимы
О любви, сохранившейся вопреки людской молве, долгой разлуке и испытаниям судьбы
18+

Яна Алимова

Вера Серафимы

«Автор»
2026

Алимова Я.

Вера Серафимы / Я. Алимова — «Автор», 2026

После смерти мужа-фронтовика Серафима решает уехать с дочерью в деревню, на родину покойного супруга. Девочка часто болеет, и врач советует ей свежий воздух. Молодая учительница математики надеется, что тихая сельская жизнь поможет дочери поправиться, а ей самой даст возможность начать все заново.В деревне Серафиму встречают тепло. Она находит общий язык с учениками, обретает друзей и постепенно привыкает к новой жизни. Но однажды встреча с отцом одного из ее учеников переворачивает ее мир. Между ними зарождается чувство, которому, казалось бы, нет места в их судьбах. Ведь Володя женат, а деревенская молва не знает пощады.Серафиме придется пережить страх, разлуку и долгие скитания, прежде чем судьба подарит ей возможность обрести настоящее счастье.Сможет ли любовь выдержать испытание временем и расстоянием? И найдут ли друг друга те, кто однажды уже потерял надежду на встречу?

© Алимова Я., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 16
Глава 5 19
Глава 6 23
Глава 7 26
Глава 8 29
Глава 9 32
Глава 10 35
Глава 11 38
Глава 12 41
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Яна Алимова
Вера Серафимы

Оглавление

Глава 1

— Мама, а почему мы именно в Бурное едем? — спросила Вера.

Серафима тепло улыбнулась и ответила:

— Знаешь, Верочка, прадед твоего папы оттуда. И мы с твоим папой были в этой деревне… правда, очень давно, еще до войны.

«В другой жизни!» — добавила мысленно Сима, а вслух продолжила:

— Очень она мне понравилась: небольшая, аккуратненькая, лес рядом, река полноводная, люди такие хорошие, добрые. У Володи… у папы твоего уж никого не осталось из близких родственников в Бурном, а встретили нас приветливо. Как услышали, что он правнук Елизара Нистратова, — так обрадовались люди!

— Нистратов, — задумчиво повторила девочка, — и я Нистратова. Мама, а что ж дедушка Елизар, папин прадедушка, кто он был? Почему обрадовались люди?

— Так помнят еще его! Бондарь он был, доченька.

— А кто это? — удивилась Вера, услышав незнакомое слово, и повторила по слогам: — Бон-дарь!

— А это, Верочка, один из самых уважаемых людей на селе. Он делает бочки.

— Бочки? Как у тети Дуси в огороде стояла?

— Верно! Как у тети Дуси. Так вот, доченька: занятие это непростое, человек должен быть очень сильным и добрым. А еще для хранения продуктов мастер брал разные породы дерева. Ну к примеру: молоко лучше хранить в кедровой бочке, а вот для воды — ель подойдет, а огурчики вкусненькие из дубовой кадушки.

— Кадушки? — задумчиво переспросила Вера. — Мам, вспомнила, я у тебя в книжке видела пословицу про мышек и кадушку, когда цифру девять учила...

— Девять мышей вместе потянули — крышку с кадушки стянули? Ты про эту?

— Да, мамочка. Это про цифру девять и вроде про дружбу, помощь?

— Да, Верочка... Это тоже бочка! Не знаю, отличаются они чем-то или нет… Так вот, — спохватилась Сима, — помнят дедушку Елизара в Бурном. Потому мы с тобой именно в это село и едем. Очень надеюсь, что по-доброму встретят. Мы же с добром едем!

Девочка тяжело вздохнула и прошептала:

— С добром! Но боязно все равно мне. Ребята точно не помнят бондаря. Я ведь в школе учиться буду, а не со взрослыми, которые помнят, работать, как ты.

— Ничего, Веруша, ничего. Все будет хорошо. Не волнуйся. Попрошусь и в твой класс преподавать.

— Хорошо бы, — проговорила дочь и крепко прижалась к матери.

Тут послышался громкий голос проводницы:

— Кому Бурное — собираемся. Подъезжаем уж! Давайте, давайте, недолго стоять-то будем. Три минуты всего.

Серафима встрепенулась, захлопотала, собирая немногочисленные вещи: тетрадку и карандаши — Вера рисовала всю дорогу, несъеденные пирожки, — со времен войны Сима была приучена жизнью ничего не выбрасывать, свой и дочкин халатики. Переоделись уже давно, ожидая своей станции.

…Бурное встретило мелким противным дождиком, который сразу нагло пробрался везде: за пазуху, за шиворот, в глаза залез, и даже каким-то образом в нос.

До осени еще целый месяц, а погода такая, будто бы уже начало сентября.

«Да, — тоскливо подумала Серафима. — В августе лето навстречу осени вприпрыжку бежит. Увы!»

— Ничегой, — словно прочитав мысли Серафимы, проговорил мужчина, который вышел из того же вагона: Сима приметила его, уж больно высоким был, да и он ее по всей видимости тоже: — Ничегой, — повторил он, — будут еще деньки. Вот поглядите: у нас завсегда ж так. Ливанет, а потома опять теплынь. А вам куды? В Бурное иль еще далеча?

— В Бурное, — кивнула Серафима.

— А вы либошто новая учителка? — мужчина пристально посмотрел на Симу. — А я-то думаю… ага… Председатель говорил. Так чегой не написали? Телеграмму не дали? Чай поди бы встретили! Это хорошо, что я тута! А как бы вы добиралиси? Три километра ж пешком. А у вас чемоданы чижолыя! Ну бабы, ну даете!

Мужчина досадно мотнул головой.

Симе как-то враз стало неудобно за свою бестолковость. Хотя телеграмму она не дала умышленно: не хотела никого беспокоить.

— Михаил я, Бутеев. Зоотехник… из Бурного, на учебу ездил в город.

— Серафима Андреевна Нистратова, учитель математики из Волхова. Вот приехала к вам, в Бурное.

— Ага, не ошибси! — обрадовался Михаил. — А я три месяца, однако, в ро'дных местах не был. Наскучалси по своим: у меня жена и робят трое. Все школьники. Чай учить их будете, да? Ну айда, айда, чегой стоять-то под дождем, — Михаил подхватил чемоданы, будто не весил каждый из них по десять килограммов, а был пушинкой, и припустил прочь с перрона.

— Ну чегой встали-то? Айдате, говорю, — оглянулся и прикрикнул он на Симу и Веру.

Они, слегка обескураженные напором Михаила, встрепенулись и поспешили за ним следом.

— Ну давай теперь ты мне трынди про себя!

— Серафима Андреевна я, — растерялась женщина.

— Так слышал ужо! — хмыкнул Михаил. — А девчонка твоя?

— А я Вера.

— Опа, и моя жена тожеть Веруха.

— Нет, я Вера, — твердо сказала девочка. — Или Веруся, не Веруха.

Михаил рассмеялся: и такой у него был задорный смех, что Сима и Верочка тоже засмеялись, хотя и были слегка напуганы напором Михаила, который даже был похож на хамоватость.

— Почему одни? Иде мужик твой? — вновь бесцеремонно поинтересовался зоотехник и снова ввел Симу в замешательство.

Отвечать первому встречному на такие вопросы не хотелось, но, подумав, что раз будут жить в одной деревне, все равно все узнают, ответила:

— Вдова я. Муж умер два года назад от ран. Четыре ранения было, одно осколочное. Не спасли.

— Знакомо. У меня тожеть осколок забегал намедни, но ничегой — доктор хороший попалси, прооперировал. Вишь, справно как! Здрав как бык. Бегаю вона как! Так. Это ладно. А иде жить-то будете? Знашь ужо?

Серафима покачала головой.

— Свободные дома есть у нас, но одно название. Не дома это. А так себе! Завалюхи. Не знай, чегой там председатель удумал. А я говорю тебе, Андревна, ко мне идем. Не прогадашь. Просторно у меня: две комнаты свободные. Дом большой, справный, дед на совесть строил, потом батя ешо комнату добавил, ну и я сам не лыком шит: пристройку сделал. Вовка подсобил мне. Чай уместимси.

— А жена ваша разве против не будет?

— Кто? Веруха? Да ты что? Обрадуетси. Только ты это… пацанов моих подтяни, а? Они у меня совсема двоечники.

Сима испуганно кивнула.

— Да не боись ты. Пацаны справные. Да токма не дается им эта математика никак. А я считаю: позор — потому как должон мужик с математикой быть на «ты». Согласная?

— Полностью, — кивнула Сима.

— От и я говорю. А Веруха моя несогласная. Ну дура ж баба! Грит: зачем им эта математика сдаласи? На тракторе-то поле пахать!

Вскоре впереди показались дома, деревья. Но из-за дождя все предстало таким унылым и серым, что Сима даже сначала пожалела о том, что решила переехать в деревню, но тут же себя пресекла, ведь иначе было никак нельзя.

…Три месяца назад, просмотрев все Верины анализы, доктор нервно постучал ручкой по стеклу на столе и сказал:

— Думайте! Ребенку нужен свежий воздух, овощи, фрукты, длительные прогулки — желательно в сосновом бору, умеренные физические нагрузки. Нет ничего лучше, чем работа на земле! Этого достичь можно только в деревне. Или инвалидность лет через пять вам обеспечена. А на свежем воздухе вы спустя время забудете, что такое приступы.

Серафима вышла из кабинета злая на врача.

«Легко сказать — в деревню. Куда, как, кто и где нас ждет?»

Но, оказавшись на улице, посидев на скамейке и успокоившись, она вспомнила про Бурное, про их с мужем замечательную поездку, и приняла решение. Во имя здоровья дочери она готова на все: и на переезд в деревню! Что в этом городе хорошего? Шум, пыль, суета! А в Бурном как раз-таки сосновый бор.

— У вас такая замечательная профессия, — сказал еще тогда врач. — Везде нужная. Даже нужнее, чем моя. Люди могут не болеть, а вот не учиться уже не могут.

Сима вспомнила, что в Бурном была школа. Маленькая, одноэтажная, но была.

…— Так что, Андревна, согласная ты? Иль как? — Михаил выловил Симу из омута мыслей и воспоминаний.

— Михаил, давайте доберемся до председателя, а там поглядим. Может, он нам уже определил жилье. Я же списывалась с ним. Неудобно получится.

— А че ж не добраться? Да легко. Щас прям вот так раз — и доберемси!

Серафиме было неловко: человек ей помогает, а она будто какая-то неблагодарная. Но прежде всего она должна думать о дочери. Ведь наверняка Михаил предлагал жить у него не просто так, а за деньги, ну или за то, чтобы заниматься с его тремя пацанами. А это минимум шесть часов в неделю. Ну нет!

Лучше уж она это время своей Верочке посвятит. А жить хотелось бесплатно. Ведь именно так в письме написал председатель колхоза Николай Алексеевич Векшин.

«Будет вам служебное жилье: свободных домов в деревне полно! Отремонтируем, обставим, все у вас будет. Только приезжайте. У нас математику в школе историчка преподает. Ну какой из нее математик?»

Сима тогда тяжко вздохнула. Она прекрасно понимала, какие ребята попадут к ней: полный ноль по предмету. Ладно малыши, а со взрослыми, с семиклассниками, что делать? Выпускной класс все же.

Глава 2

Тем временем зашли в Бурное. Дождик почти кончился, природа благоухала свежестью. По дороге все время кто-то попадался. Некоторые сельчане здоровались и проходили мимо, не проявляя никакого интереса ни к Михаилу, ни к незнакомой молодой женщине и девочке, и молча шли по своим делам, а другие останавливались и бесцеремонно интересовались:

— Это кто ж такая будет?

— Кого привел, Миша?

— А это я вам новую учителку математики раздобыл, будут у нас тепереча сплошные Лобачевы.

Сначала Серафима Андреевна вообще не поняла, кого имеет в виду Михаил. О каком таком Лобачеве говорит? Может, сельский какой математик? Но Вера шепотом подсказала:

— Мам, дядя Миша, наверное, про Лобачевского говорит.

— Ах ты, моя умница! — похвалила мать. — А я иду и думаю, ну о ком же он? Какой такой Лобачев? Вообще не догадалась.

— Ну вот вам и сельсовет, — Михаил поставил чемоданы на землю и повел рукой.

Серафима с любопытством посмотрела на одноэтажный дом, ничем не отличающийся от тех, мимо которых они проходили.

Вообще внешне деревня мало изменилась за то время, когда Сима была здесь с мужем. Но она никого не узнавала, и никто не узнал ее: но и срок немалый прошел — тринадцать лет. Хотя… Много ли это? Или мало? Сколько народу война покосила, хотя и не добралась до Бурного…

— Ну что, подождать вас? Или сами свои чумоданы дотащите? Или подсобит вам кто? — широко улыбнувшись, спросил Бутеев.

— Да кто ж нам подсобит? Мы ж никого здесь не знаем, — растерялась Сима.

— Лексеич — хороший мужик у нас, в беде не оставит. Не боись.

Сказал, кепку приподнял и ушел Михаил, насвистывая какую-то веселую мелодию.

— Верочка, ты тут, под навесом, посиди, а я зайду. Ладно?

Девчушка кивнула, присев на чемодан.

Озираясь по сторонам, Сима зашла в сельсовет и сразу же услышала громкий мужской голос:

— Дык я ж тебя просил! Ну что ж ты делаешь со мной? Вот и не надо так говорить. Сам знашь, черт лысый. Все, отбой. Я все тебе сказал. Получишь ты у меня муки таперича! Шиш!

Сима чуть замешкалась: заходить или нет? Ну а что же делать, раз приехала? Председатель-то вон какой грозный. Да чего ж бояться? Ну не ударит же в конце концов. Да и не за что вроде!

Она приоткрыла дверь и волнуясь спросила тихим голосом:

— Можно? Здравствуйте.

— Здравствуйте. Вы ко мне? — поднялся председатель при виде молодой симпатичной белокурой женщины.

— Ну да! Вы же Николай Алексеевич?

Председатель кивнул и слегка напрягся.

— А я Серафима Андреевна Нистратова, учительница математики. Я вам писала! Вот прибыли.

Лицо председателя озарила счастливая улыбка.

— Моя ж ты милая! Да как же я тебя жду! Почему не сообщила? Встретил бы как самую дорогую гостью. Пацан же у меня на механический собирается, а как без математики? Да и

другие робята ни бум-бум. Проходите, проходите, присаживайтесь, — захлопотал председатель, вдруг перейдя на «вы».

Серафима робко присела на краешек стула.

— Школа у нас хорошая, ремонт вот только закончили. Так что в новый учебный год войдем обновлено. А вам, Серафима Андреевна, пока комната при школе имеетси. Во время ремонта я попросил ребят оборудовать одно помещение под жилое. Айдате-ка глянем. Все там есть для жизни. Айдате! Постаралися мы с Семеновной.

Серафима не могла скрыть радости, что будет жить самостоятельно, ни от кого не завися. Перспектива поселиться в доме Михаила не привлекала совершенно, хотя и показался мужчина добрым.

Вышли из сельсовета. Верочка, увидев маму, приподнялась: она сидела на одном из чемоданов.

— А это моя дочка Вера, Николай Алексеевич.

Председатель протянул руку девчушке:

— Ну здравствуй, Вера, праправнучка Елизарова. Знаешь, поди, про прадеда своего. Мать рассказала?

— Здравствуйте, — засмущалась девочка. — Знаю. Мама рассказала. Прапрадед он мне, коль я праправнучка.

— Молодец! Верно! А я как сказал? Так и сказал. Ну что, пойдем к месту вашего проживания?

— Идемте, — прошелестела Вера. — А куда? Далеко?

— Не далеча. Пока в школе жить будете, а чуть позже дом вам организую, а пока токма комната. Обживайтеси. Вот и дождик закончилси. Авось и солнышко появитси.

Сима только заметила, что дождя действительно больше нет. Густую облачность кое-где прорывали синие извилистые полоски. Сквозь них несмело пробивались ласковые лучики солнышка.

Лексеич словно пушинки подхватил чемоданы — был мужчина еще крупнее и выше Михаила.

Сима вспомнила своего мужа — Володя тоже был высокого роста, крепким, плечистым мужчиной… был.

С тех пор как его не стало, она вообще не обращала внимания на мужчин. А в этот день вдруг приметила, что все они отличаются в Бурном высоким ростом. Сима вспомнила, что пока шли до сельсовета, повстречали еще двоих-троих. И они тоже были такие же высокие и здоровые. Красивые!

Председатель широким шагом торопливо пошел вперед, Серафима и Вера засеменили следом, еле поспевая за ним.

В школе их встретила старушка невысокого росточка, в платочке и в сером рабочем халате.

— Вот, Семеновна, принимай. Серафима Андреевна Нистратова, учитель математики. Верочка, дочка ейная. А это наша Дарья Семеновна Кривина. Попросту — Семеновна.

— Нистратова? — всплеснула рукам старушка. — Да неужто Елизаровская родня?

— Она самая.

— А я помню Елизара. Хочь и мала была совсема, а хорошо помню. Эх и сильнай мужик был, однако! Огромный. Богатырь. Бочками своимя словно подушкамя пуховымя ворочал! Помню, батя мой ему заказал дубовую, для огурцов. Так до сей поры она у меня так и стоить. Правда, все больша без огурцов! — старушка тихонько засмеялась. — Да куды мне цельную бочку-то! Вот так! Уж сколь лет ей, а хочь бы хны! Увидитя работу предка своева!

Сима несмело улыбнулась.

— Ну пойдем, пойдем, дочка, а ты, Лексеич, чумаданы-то занеси. Чегой же девка тяжести таки таскать будеть? А потома ступай, мы самя разберемси. Не нужон ты нама больша.

Николай Алексеевич кивнул и с большой теплотой промолвил:

— Командует! Ишь!

Баба Даша провела гостей по школьному коридору, Сима успела насчитать восемь дверей: по четыре с каждой стороны.

— Вот тута у нас классы, а тама, — Семеновна махнула рукой, — учительская и бухфет. Маша хорошо стряпаеть для детворы, укусно. Булочки тожеть печеть. Будете у нее столоватьси, вон председатель распорядилси.

Николай Алексеевич подтвердил кивком.

Сима несказанно обрадовалась: вот и еще один плюс — не надо тратить время на готовку.

Баба Даша тем временем завернула налево — там был небольшой закуток, внутри которого обнаружилась дверь.

— Вот здесь ваша комната, Андревна, — старушка открыла дверь ключом и тут же сунула его Симе.

Шагнув в помещение, та ахнула от неожиданности — это была чудесная, уютная, светлая, просторная комната с двумя огромными окнами. Слева и справа стояли кровати, заправленные хлопковыми покрывалами, у окна — стол, накрытый желтой скатертью, и два венских стула. На окнах висели ситцевые занавески-задергушки, а в углу стоял торшер и кресло. На полу были разложены яркие домотканые дорожки.

Сима залюбовалась комнатой, Верочка тоже обвела восхищенным взглядом каждый уголок.

Лексеич и Семеновна удовлетворенно переглядывались между собой.

— Понравилоси! — прошептал председатель.

Семеновна кивнула.

Глава 3

— Это Семеновна постараласи, — Лексеич указал на дорожки на полу. — Она у нас мастерица: всю деревню снабжает, — с гордостью проговорил председатель. — Нравитси? — спохватился он.

— Очень, — восхищенно ответила Сима, и это была чистая правда. — Спасибо вам большое! И вам! — женщина ласково посмотрела на старушку.

— Да чегой там такова-то! — засмущалась Семеновна и махнула рукой игриво. — Взял крючок в руки, и айда пошел. А хошь и тебя научу?

— Я хочу, бабуля! — попросила Верочка.

— От отдохнетя чуток, и начнем учению! — Семеновна была очень довольна проявленным интересом Верочки.

Сима удовлетворенно глядела на комнату, ничего подобного она не ожидала. В комнате было, пожалуй, не хуже чем у них с Верочкой в Волхове. А может, даже и лучше!

— Андревна, я еще вам сегодня шкапик небольшой из сельсовета приволоку. Не успел. Уж звиняйте меня! А Надежда Ивановна — это учитель русского языка наша — обещала буфет вам отдать. Она из города себе новый привезла. Так вот старый — вам. Да вы не думайте, — спохватился председатель, — он не старый. Хороший, крепкий дубовый буфет.

— Я и не думаю. Спасибо большое вам, Николай Алексеевич, и Надежде Ивановне тоже. Мне бы еще полочку книжную.

— От же я дурак! Ну конечно! — он хлопнул себя по лбу. — Ты ж учитель, — вдруг снова перешел председатель на «ты». — Книг, поди, полный чумодан?

— Не полный, но штук десять есть.

— Ты еще подумай, чегой надо тебе. Список составь. В город в конце недели поеду — все привезу. Ну давайте располагайтеси.

И Алексеич поспешно покинул комнату.

— А вот я тебе, Лексеич, говорила ж! — крикнула вслед председателю Семеновна. — Полочку надобно! Ну ничегой, притащить. Он у нас справный мужик. Раз сказал — значица, притащить.

Семеновна осталась. Она понимала, что у молодой женщины возникнет много вопросов, да и голодные с дороги: покормить бы надо.

— А я тут недалеча живу. Вон он мой дом, — старушка указала в окно. — Кусточек видишь?

Сима, проследив за ее рукой взглядом, увидела небольшой домик с аккуратненьким невысоким заборчиком и с лавочкой у калитки с одной стороны, а с другой — с раскидистым кустарником.

— Вы сейчас располагайтеси и ко мне давайтя: помоетеси в баньке, топила севодни, и накормлю вас, чем Бог послал. Чай голодныя?

Не дождавшись ответа, она продолжила:

— Ребятишки наши на улицу в туалет бегають, и вы туды ж, а мытьси ко мне будете ходить. Умываться вон тама, — Семеновна снова махнула рукой, — под старой осиной в школьном дворе умывальник висить. Его еще Гордей Гордеич приколачивал. Завхоз наш. Помер… царствие небесныя. Сколь добра для школы сделал! Так он вродя тожеть был потомок Елизара. Дом хорошай у ево. Можат, потома туда переедете?

Сима пожала плечами неуверенно.

Старушка перекрестилась:

— Живитя пока так! Тута тебе и печку натопють! Савелич приходить. Нелегкое енто дело-то. Ты жа городская. Попривыкни малость. Можат, попозднее. От ран помер Гордей-то.

Хорошай мужик был, справнай. Детей как любил. Много чегой в школе его руками сделано. Вот так. Человека нету, а его помнють!

— Баба Даша, можно я вас так буду называть?

Семеновна кивнула: можно, мол.

— А удобно ли это ходить к вам мыться? — продолжила Сима. — Что скажет ваш муж? Дети?

— Да нет у меня никого, милмоя! Муж еще до войны помер. Три сына на войне сгинули. Двое не были женаты, а старший был. Так жена его Ольга в Новороссейск уехала опосля войны-то, сразу, к ейной матери. А что, понятно, конечно… Чегой тута, со мной… С тех пор я ее и внуков не видала. Одна я… Письма короткие пишеть иногда, открытки к празднику шлеть. Да вроде замуж снова вышла, родила девочку. Оно понятное дело… пошто я ей… была бы она мне дочь, а так… — Семеновна махнула рукой, прикрыла глаза: видно, слезы подступили, но старушка не хотела их показывать малознакомым людям.

Симе стало очень жаль Семеновну, захотелось обнять ее, приласкать, но было неудобно. Ведь только познакомились.

— Ну айдате, — встрепенулась баба Даша, грусть с нее как рукой сняло, в глазах сквозь слезы заиграл огонек: — Спасибо Лексеичу, это он для меня тута должностю енту придумал: звонки подаю, зимой в гардеробной шубы принимаю, пол в коридоре мою, в классах ребятки самя. Двор от снега чишу. С детишками — оно очень хорошо, забываюси вродя как… ня знай, да вродя люблють меня. А дома с тоски б давно померла. Все о внуках думаю, как они тама… Егорке одиннадцать лет было, а Никитушке всего шесть, када уехали оне. Теперча уж большия совсема. Семь лет прошло, однако.

…Через полчаса Сима с Верой радостно плескались в бане.

— Ну что, Веруська, все хорошо у нас складывается? Как думаешь?

— Да, мамочка. Мне нравится. Комната хорошая, большая, светлая. Бабушка Семеновна такая добрая! Жалко ее, — вздохнула Вера. — Но я все же беспокоюсь: будут ли у меня подружки? Как Лена и Таня в Волхове?

— Будут, обязательно будут! — Сима схватила мочалку и принялась тереть дочку, а сама подумала про Семеновну: вот и Вера пожалела старушку. А сколько их, таких матерей по стране теперь мается? Одинокие, горем горьким убитые… доживают свой век.

После бани баба Даша угощала щами и кашей. Еще на столе стояла деревянная миска с огурцами и помидорками, видимо, со своего огорода. Бабушка нарезала сала и хлеба.

Хлеб гостьи съели, а вот к салу не прикоснулись.

— А чегой жа сало не емши? — удивилась бабушка.

Мама и дочка синхронно пожали плечами.

— Понятно. Ничегой, привыкнетя. У нас без сала зимой никак нельзя. Морозы лютые стоять. Как у вас с одежкой-то на зиму? Валенки есть? — спохватилась она и серьезно посмотрела на своих гостей.

Сима и Вера переглянулись и хором ответили:

— Нет.

— Ой лихо! Ладно, скажу Филимону, сваляеть вам. А то, можат, и готовые у ево есть.

— Не надо, зачем? У нас ботинки есть.

— Да какие там ботинки! — замахала руками старушка. — Это здесь, по школе форсить, потому как тёпло, а до ветру? А ко мне? Как упадеть снег метровый, а мороз трескучий грянеть. От! То-то и оно! Ботинки! Чегой удумала! — Семеновна покачала головой.

«Молодая ешо совсема, пороху не нюхамши!»

— Иде в войну была? — спросила вдруг старушка.

— В оккупации! — тихо ответила Сима и опустила голову.

Баба Даша кивнула:

«Порох нюхала, ешо похлеше, чем я думала!»

— Слава Богу, живая осталаси.

Сима кивнула и еще ниже склонила голову.

Семеновна обняла учительницу и похлопала по спине:

— Ладно, ладно, будять тебе. Хорошо нынче, ох хорошо! Мир — и слава Богу! — спешно перекрестилась и посмотрела на реакцию Серафимы:

— Партейная ты иль как?

Сима покачала головой.

— Не партейная.

— Понятно. Не крестишьси — не верующая, значица.

Сима снова покачала головой и объяснила:

— Из комсомольского возраста я вышла, а в партию не стала вступать. Не чувствую, что достойна.

— Ну ладно разговоры разговаривать, идитя к себе, располагайтеси, отдыхайтя. Завтре я тебе твой класс покажу. Хорошай он у тебя. Большой и светлай. Да у нас все хорошия. Особливо опосля ремонту. Айдате провожу вас! А то, можат, с собой чегой возьмите? Вона огурчик погрызти? Или хлебушка? А у мене еще семачки есть. Правда, прошлогодния. Я как засяду зимой — так полную миску-то и сошелкаю. Ох и охотница я их грызти!

— Бабуля, а можно хлебушка? — еле слышно попросила Вера.

— Можно, можно, милмоя. А то как жешь! Нешто нельзя? Можна.

— А мне семечек! — несмело попросила Серафима.

Семеновна отрезала добрый кусок от каравая, завернула его в вышитый рушник.

— А вот вам и ножичек — хлебушек резать. И сахарку возьми, Верочка. Погрызешь на ночь.

Семеновна дала девчушке кусок сахару, а Серафиме полотняный туго набитый мешок.

— Спасибо, бабушка, — Вера порывисто обняла старушку.

Та вдруг прослезилась, тоже обняла девочку и поцеловала в светлые волосики.

— Спасибо вам, баба Даша, за заботу, — проговорила Сима, она тоже растрогалась вниманием к ним старушки.

— Ничегой, ничегой. Хорошо у нас! Ох хорошо! Ну идемтя, идемтя!

…Слух о том, что в деревню прибыла учительница математики, да не одна, а с дочкой, разнесся по деревне быстро.

Любопытные ребятишки прибежали к школе уже на следующее утро. Взрослым тоже было интересно глянуть на новую учителку, но они не решались зайти так смело на школьный двор, как ребятишки.

— Веруська, ну выйди, — уговаривала Сима, — познакомься. Глянь в окошко — мальчишки, девчонки вон…

Вера отнекивалась, придумывая причины: вещи еще не разложила, рисунок надо дорисовать, а то в поезде начала, а не закончила.

Сима понимала, что все отговорки от страха. Боится Вера. Характер у ее дочки совсем непростой: застенчивая, с трудом идет первая на контакт, тяжело сходится с ребятами, немногословна. Но если уж начинала дружить, то за друга готова была на все. В городе у Веры было две подруги: расставаясь, девочки плакали и обещали друг другу писать письма. Для дружбы нет расстояния, если она настоящая.

— Никогда не будет у меня больше таких подружек, как Таня и Лена, — рыдая на плече у матери, шептала, задыхаясь Верочка.

— Веруська, да ты что! Еще лучше будут! Вот посмотришь! Какие твои годы! Прекрати, а то приступ начнется.

Сима очень боялась приступов дочери, они начинались неожиданно и иногда длились несколько часов, а иной раз проходили быстро. Лечение, назначенное врачом, совсем не помогало. Потому и порекомендовал доктор сменить город на деревню. Свою комнату в коммуналке закрыли на ключ, отдали его Симиной подруге, соседке Катерине.

— Когда ж вас ждать? — утирая слезу, спросила она.

В ответ Серафима лишь покачала головой.

«Лучше бы я сама болела!» — в который уж раз подумала с тоской.

Доктор все время задавал девчушке вопросы:

— А как тебе трудно дышать? А что хочется сделать? А что чувствуешь?

Но Вера не могла на них ответить, а лишь пожимала плечами и шептала:

— Не знаю. Тяжело, и все.

Приступы случались все чаще и все больше пугали Серафиму.

— На море, что ли, съездите… — как-то предложил врач, перепробовав все имеющиеся лекарства.

Глава 4

Сима тогда продала оба обручальных кольца, и съездили по совету доктора к морю, но Верочке явного облегчения это не принесло.

За две недели, проверенных в Ялте, у нее тоже было несколько приступов. Когда вернулись домой, и Сима рассказала об этом врачу, тот только головой покачал да руками развел:

— Странно, всем моим больным там значительно лучше становится. Значит, у Верочки не астма, как я предполагал, а что-то другое. Но это и к лучшему!

Вот тогда-то он и посоветовал уехать жить в деревню.

В Бурное Серафима решила переехать сразу, не пробуя!

Она почему-то была уверена, что свежий деревенский воздух, овощи с огорода, чистая колодезная вода, парное молочко и прогулки в сосновом бору вылечат ее любимую доченьку.

…Устав прогонять Веру на улицу, Сима вышла сама. Может быть, дочка последует ее примеру?

Только учительница появилась на школьном крыльце, как к ней тут же подбежали две девочки примерно Вериного возраста.

— Здравствуйте, — весело поздоровались они хором. — А это правда, что вы у нас математику будете вести?

— Правда, — расцвела улыбкой учительница.

— А как вас зовут?

Серафима Андреевна представилась.

— А вас? — в свою очередь спросила она у девчонок.

— Я Марина Симакова.

— А я Алена Бурняева, мы в пятом «а» учимся.

— Ты че, Аленка? В шестом теперь уже, — поправила Марина подругу.

— Точно! — рассмеялась Алена. — Через месяц мы в шестой класс пойдем.

— И моя дочка тоже в шестом, — обрадовалась Сима — девочки показались ей добрыми и приветливыми. Такие вряд ли обидят.

— А где ваша дочка? Почему не выходит? — поинтересовалась Марина.

— Сейчас я ее позову, или хотите, пойдемте к нам в гости!

— Хотим! — в два голоса крикнули девчушки.

— Вот, Веруська, познакомься! — как только вошли в комнату, сказала Сима. — Это твои одноклассницы: Алена и Марина.

Вера, сильно смущаясь, покраснела и прошептала:

— Привет.

— Ой, а что это у тебя? — восхищенно спросила Марина, увидев разложенные на столе рисунки. — Это ты нарисовала?

— Я, — ответила Вера чуть посмелее, заметив явный интерес подружек к своим рисункам.

— Ничего себе! Вот это да! Я так не умею. Вот здорово! Да у нас никто не умеет так рисовать!

— И я не умею, — подхватила Алена. — Красиво как! Пойдем гулять? Мы тебе деревню покажем, у нас хорошо. Сегодня солнышко светит. Вчера мы с Мариной весь день дома сидели — платья куклам шили.

— Мама, можно я пойду с девочками? — краснея спросила Вера.

— Конечно! Идите прогуляйтесь. Сима была очень рада, что девочки пригласили Веру в свою компанию:

— А я к Семеновне пока схожу.

Старушка встретила очень приветливо:

— Айда, айда, я блинчиков напекла и чайку уже заварила, вареньице малинишное достала. Люблишь? А где ж Верочка? — спохватилась баба Даша.

— Девочки за ней пришли, — Сима сияла от счастья. — Алена и Марина.

— А-а-а, хорошия девчонки. Да вот токма Аленке и ее брату с мамкой не повезло. Отец — мужик справнай! А мать! — Семеновна махнула рукой и тяжело вздохнула. — Дурная баба! Ох дурная! С таким-то мужем, да дети вона какия!

— Что не так с их мамой? — спросила Сима, а в груди сделалось так неприятно, тревожно…

С чего бы?

— Выпиват она, — понизив голос, словно кто-то мог услышать, хотя женщины были одни, сказала старушка.

Серафима в недоумении переспросила:

— Выпивает? Как же это?

Семеновна утвердительно кивнула:

— Да, запойныя она. Так-то женщина неплоха! Када не пьет, то готовить, стираеть, чисто у ей — люди говорять. Так-то я сама не видала, и огород в порядке содержать. Хотя… — Семеновна махнула рукой. — За огородом-то Степа смотрить. Это сын старший ихний. Погодки оне с Аленой. Да ты, наверное, у ево классной будешь. Ох и хороший мальчишка! А как запьеть Зинка — так пиши пропало. Все! На работу не ходить, не стряпаеть— токма пьеть да спить.

— Как же так? — поразилась Сима. — А муж ее что же?

— Справный мужик. Ох справный! Степка в ево. Сам все делаеть и ее от людей прячеть. Да чегой прятать-то? Вся деревня знат. А чегой нам не знать? Мы все про всех знаем, а ежеля чегой не знаем, то Раиса Груздева расскажеть. Вот же баба! Ей бы репор… репортом работать.

— Репортером, — улыбнулась Сима.

— Ага. Им самым. Володька-то поначалу всем сказывал: болееть, мол, Зина моя…

— Володька? — вздрогнула Сима.

— Ну да, Зинкин муж, ну отец ребятишек-то — Степы да Алены. Володькой его кличуть.

Серафима кивнула, баба Даша продолжала что-то рассказывать про семью Бурняевых, но Сима слушала вполуха: в груди снова сделалось неприятно тревожно.

…Так потихоньку прошло время до первого сентября. Серафима трудилась в своем кабинете и прихорашивала их с Верочкой комнату, делая ее все краше. Лексеич, как и обещал, принес шкаф, а сын Надежды Ивановны — буфет. Книжную полку смастерил деревенский умелец дед Яшка. Его все называли Яшкой, хотя был он стариком. На вопрос Серафимы «Как вас зовут?» он крякнул и ответил:

— Так Яшкой кличуть.

— А по отчеству? — растерялась Сима.

Старик весело рассмеялся:

— Какое там отечество! Яшка я. Придумала тоже, отечество! Чегой я тебе: учитель, штоль, как ты? Аль какой председатель. Отечество, — хмыкнул старик и огладил бороду с усами.

По всему было видно, что ему приятно такое уважение со стороны приезжей учительницы.

— Да не знат он своего отечества! — пояснила вечером Семеновна.

— Как же так? — удивилась Сима.

— Да так! Мама моя рассказывала: выловиля ево мужики из реки, да давненько! Лет уж осемьдесят назад дело-то было. Утопленник вродя, ан нет. Отходиля. Ну и назваля Яшкой, потому как Яков кривой его выловил. С тех пор Яшка да Яшка.

— Так это что ж получается? И документов у него нет?

— Да чегой ты? Какие там доку'менты? Ты что ж думашь: вот прям сразу как крепостно право-то отмениля, так сразу люди и сталя все ученымя да с доку'ментамя? Ну нет, милмоя! Долго еще быля мы забитымя да безграмотнымя. А Яшку се'мья одна взяла, там своих робят не перечесть было, ну и ево до кучи. Работаля там в той семье все, не покладая рук, сызмальства ни ласки материной не виделя, ни куска сахара хочь бы по выходным аль по праздникам. Вот и Яшка тебе. А руки у ево золотыя. Ты видала хата-то какая? Загляденья — что унутри, что снаружи.

Потрясенная Сима кивнула: сколько же еще предстоит узнать ей о судьбах простых деревенских людей!

…Вера до первого сентября подружилась еще с двумя девочками из своего класса и даже с одним мальчиком — со Степой, старшим братом Аленки.

Сима, узнав о том, что мать ребят запойная пьяница, не очень хотела, чтобы дочка ходила в этот дом. Мало ли что! Напугается! Серафима заметила, что приступы у Веры в основном и случались, когда девочка чего-то боялась или сильно волновалась.

Так неспешно дожили до сентября, и в этот день волновалась не только Вера, а и сама Серафима Андреевна, хотя они обе уже познакомились и подружились — Вера с одноклассниками, а Серафима почти со всеми своими учениками, по крайней мере с девочками — так точно. Ученицы шестого «А» класса каждый день наведывались на школьный двор. Сначала несмело, и делали вид, что просто мимо шли, а потом, когда поняли, что новая учительница добрая и хорошая, с удовольствием с ними общается, то уже приходили, совсем не стесняясь и не представляя свой приход так, будто бы «шли мимо, вот и заглянули!»

Нет, девочки приходили с удовольствием и намеренно, ведь Серафима Андреевна читала им книгу «Республика ШКИД» и после каждой главы задавала такой вопрос, на который было не так просто ответить. Ведь книга для ума — что теплый дождь для всходов. Беседа перерастала в интересное обсуждение. Раскрасневшиеся девчонки задавали учительнице свои самые сокровенные вопросы, а она относилась очень серьезно и обстоятельно отвечала.

Располагались на полянке на задворках школы, и к концу августа места на полянке перестало хватать: постепенно подтянулись и мальчики, и ребята, которые закончили семилетку в прошлом году, не уехали в город, а остались в деревне.

Глава 5

Тридцатого августа, после того, как прочитанная глава была всесторонне разобрана, Серафима Андреевна вздохнула и сказала с грустью:

— Ребята, сегодня была наша последняя встреча…

Дети не дали закончить, заволновались и загалдели:

— Как?

— Почему?

— Вы что, уезжаете?

— Вы на нас обиделись?

— Не бросайте нас!

Учительница тепло улыбнулась, подняла руку, прося тишины:

— Не уезжаем ни в коем случае, нам здесь очень нравится! Обижаться на вас не за что. Вы отличные ребята. Вы забыли? — Серафима Андреевна таинственно улыбнулась. — Послезавтра первое сентября! У нас начинается учеба, и мы не сможем вот так же собираться. Да и дожди зарядят — осенний дождь мелко сеется, да долго тянется, а потом и снег пойдет — засеет поля белым.

— Но почему не сможем?

— А давайте в классе!

Ребята загалдели еще сильнее. Симе было так радостно, что детям полюбились их встречи, и они хотят продолжать слушать и дискутировать.

— Тише! Ребята, тише! — строго сказала она. — Дело еще в том, что у меня, к сожалению, не будет столько свободного времени как сейчас. Ведь я буду вести математику в шести классах, а еще наш директор Анна Федоровна просит меня преподавать и физику, а это еще пять уроков в неделю. Так что, мои хорошие, только один раз в неделю сможем так же встречаться! Но вы не переживайте. Обязательно выберем день и снова будем обсуждать какую-то книгу.

— А какая следующая, Серафима Андреевна? — спросил Степан, он тоже приходил на эти посиделки.

— Степа, я выберу из тех, что у меня есть. Обещаю.

— Жаль расставаться со Шкидом! — расстроился Степа и добавил смущенно: — Серафима Андреевна, а можно у вас попросить какую-нибудь книгу почитать?

— Ну а почему же! Коль станешь аккуратно читать, то можно, конечно.

— Я аккуратно, честное слово.

— И я хочу, и я!

— А можно и мне!

— Я тоже аккуратная!

Серафима Андреевна была поражена и обрадована: сколько детей хотят читать! Вот ведь: книга — не пряник, а к себе как манит!

— Ребята, у меня книг немного, но есть. Я их все вам обязательно дам прочитать. Мне очень радостно, что вы хотите читать. Коль Степан спросил, так пусть он и будет первым. Думаю, это справедливо.

— Пускай, а потом я! Второй.

— Я третья!

— А можно сразу две книги, Серафима Андреевна?

Чуть позже в школе был открыт уголок книги, что-то вроде библиотеки, где ребята могли взять почитать книгу. Библиотекарем стала Верочка: она так ответственно отнеслась к поручению, что завела специальную тетрадку, куда стала записывать всех, кто брал книги.

Вера всегда строго спрашивала:

— За пять дней прочитаешь? — и заносила взявшего книгу в свою тетрадку.

На прочтение книг образовалась очередь.

Как-то Верочка сказала матери:

— Книг очень мало. Надо бы еще.

Сима задумчиво произнесла:

— Ты права! Обязательно что-то придумаем.

На следующий же день Серафима Андреевна зашла в кабинет к директору и смущаясь попросила:

— Анна Федоровна, а давайте в районе книги закажем! Ребята читать хотят, а у меня только десять книг. Мало.

Анна Федоровна призадумалась, хлопнула ладонью по столу, Сима подскочила от неожиданности.

— Ох, простите, Серафима Андреевна! Будут вам книги! Обещаю! И спасибо вам!

— Да за что же? — растерялась Сима.

— За инициативность.

Серафима лишь пожала плечами:

— Так это не я, а Веруська.

— Так вдвойне спасибо! За правильное воспитание!

…Классное руководство Серафиме Андреевне ожидаемо дали в седьмом классе, и десятого сентября она решила устроить родительское собрание. Подготовила материал за десять прошедших дней учебы, получив представление о каждом ученике: было их немного, всего семнадцать человек, среди них — Степан Бурняев.

За день до собрания Вера прибежала домой не в себе: глаза ее горели испугом, дыхание было затрудненным. Серафима ужасно испугалась:

— Верочка, что случилось? Тебе тяжело дышать?

Вера покачала головой, но дыхание было свистящим.

— Верочка, успокойся, приляг, я сейчас тебе водички принесу.

Бедная женщина металась: ей было страшно оставить дочку одну, но воды нужно было принести. В комнате, как назло, не нашлось и капли теплой воды, а холодная лишь усугубляла приступ у Веры.

Сима в чем была, в легком халатике, в школе было очень хорошо натоплено, быстро побежала к Семеновне за теплой водой — это, пожалуй, был единственный недостаток комнаты в школе: невозможность согреть воду в любое время, а буфет тетя Маша запирала.

— Баба Даша! — заорала Серафима, только вбежав во двор. — Воды, быстрее воды дайте теплой, у Верочки приступ.

Семеновна, увидев полураздетую, трясущуюся бледную Симу, сама перепугалась:

— Ох ты ж! Пресвятая Богородица, господи Иисусе Христе! Спаси и сохрани! — начала креститься Семеновна, схватила чайник, и в школу побежали вместе. Баба Даша выбежала не просто в чем была, а даже босиком.

— Можат, к фельхшеру надоть? Степанида справныя у нас! — задыхаясь от быстрой ходьбы, предложила баба Даша.

— Не первый раз, справимся! — крикнула Сима.

Вера лежала на кровати и дышала со свистом. Серафима заплакала:

— Веруся, попей водички! — дрожащими от волнения руками она протянула девчушке кружку теплой воды.

— Мамочка, — прошептала девочка, — бабулечка, вы не волнуйтесь. Мне уже правда-правда лучше.

Семеновна тоже плакала и крестилась, читая молитву:

— Господи, Иисусе Христе, сыне Божие! Спаси и сохрани робенка нашева! Смилуйси над дитем безгрешным. Все, чегой надо, отдам! Токма вылечи дитя! К Стешке, можат, все ж таки?

Тем временем Верусе действительно стало получше. Она почувствовала себя в безопасности рядом с любимыми людьми, успокоилась и стала дышать намного ровнее.

Попив воды, она заплакала и обняла мать, прерывисто зашептала:

— Мамочка, я так испугалась. Тетя Зина стала кричать и вещи на пол швырять. А потом мне сказала вдруг: «А ты кто такая?! А ну пошла вон отсюда!» И намахнулась, а Степа меня загородил собою, вывел во двор и сказал домой быстро идти. Вот я и побежала. А пока бежала — трудно дышать стало.

— Да чегой жа деетси! На ребенка руку подняла. Ладно на своих. Ентo ж ее дело. Хотя ж тожеть плохо. А на чужова? Да я счас пойду… да я яе…

— Бабулечка! — перепугалась Вера, и снова свист вырвался наружу. — Не ходи, я прошу тебя!

— Не пойду! Не пойду! Не волнуйси токма… — замахала руками баба Даша. — От же зараза такая, полгода не пила и снова взяласи. Горбатого могила исправить, а Зинку никто. А я уж думала, ну слава Богу, за ум взяласи Зинка, — баба Даша скорбно покачала головой. — Не ходи пока к им, миленькая моя! Детонька! Зернышко мое сладкое. Теперь долго пить будеть.

И баба Даша даже выругалась матерным словом, чего с ней раньше никогда не бывало, а потом стыдливо и испуганно прикрыла рот рукой.

— Как же так? Да что ж на нее находит? — растерянно проговорила Сима. — Доченька, пусть Аленка сама к нам приходит, а ты не ходи больше к ним… вообще! Ладно?

— Хорошо, мамочка, не пойду больше. А Степа?

— Что Степа?

— А можно и Степа к нам будет приходить? — спросила и покраснела Вера.

— Ну конечно, доченька. И Степа тоже пусть приходит, если захочет.

— Да какое там! — махнула рукой Семеновна. — Сейчас у Володьки да у Степки столько дел будеть. По шею. Все самя таперича: и корову доить, и стряпать, и огород, и стираться.

— А завтра еще и собрание! — ахнула Сима.

— Так на собрание Володька завсегда и ходил сам к детям. Он же ими занимаетси. Не Зинка. Та, если тверезая, так завсегда в заботах домашних. А коль пьеть — так не до чегой ей.

— А дети какие хорошие! — вздохнула Серафима и покачала головой. — И Степа, и Аленушка. Как же так?

— Так и Володька справнай, и мать его Серафима — добрыя была баба. Вот он в ее, а робята в ево.

— Как Серафима? — растерялась Сима. — Правда?

— Истинный крест! Серафимой ево мать звали, как и тебя, — Семеновна перекрестилась. — А ты бы все ж сходила с Верой к фельхшеру нашему! Ох и грамотныя она у нас! Добрыя! Сходи. Страшно мне!

Сима кивнула: схожу, мол.

…Перед собранием Серафима Андреевна очень волновалась, как никогда, хотя это было далеко не первое в ее жизни собрание. Ведь она уже давно работала учительницей.

Ее порадовало то, что пришли родители шестнадцати ребят: многих из них она уже знала — Михаила Бутеева в том числе. Не пришел только Владимир Бурняев.

Собрание прошло в теплой, дружелюбной обстановке. Михаил шутил по обыкновению — родители взрывались хохотом, и Серафима Андреевна постепенно расслабилась и почувствовала себя спокойно, будто в большой семье. Некоторым родителям было столько же лет, сколько ей, другие были старше, но держались все так, будто были родней. Хотя для многих так и было. Некоторые действительно были родными друг другу.

Родители обсудили с учительницей все насущные вопросы, настало время расставаться. Все как бы нехотя стали выходить из кабинета, благодаря Серафиму Андреевну.

— Благодарствуем вам. Наконец-то у нас настоящий учитель математики!

— А вы не уедете?

— Как хорошо, что вы до нас приехали!

Когда все вышли из кабинета, а Серафима Андреевна чуть задержалась, она услышала тихий несмелый стук в дверь.

— Да-да, заходите, — пригласила Сима.

Дверь открылась: на пороге стоял высокий, статный черноволосый очень красивый мужчина.

Глава 6

Серафима сразу же догадалась, что это был Владимир Бурняев, отец Степы и Алены. Уж больно Степан был на него похож.

— Добрый вечер, Серафима Андреевна, я отец Степкин. Владимиром меня зовут. Простите меня, что не был на собрании. Меня на работе задержали, — сказал и опустил голову.

Он лгал: не задержали его на работе, а почти целый час он провозился с пьяной женой. Зина затеяла скандал и никак не хотела успокаиваться. Степка сильно волновался: он без конца смотрел на ходики, зная, что отцу надо идти на собрание, но справиться с матерью в одиночку он бы не смог: она была довольно-таки дородной женщиной. Хотя и говорил Степка отцу несколько раз:

— Бать, да ты иди! Пущай орет.

Но Владимир ушел только тогда, когда Зина улеглась на диван и мгновенно отключилась.

…— Ничего страшного, проходите, — приветливо улыбнулась Серафима, тщетно пытаясь себя взять в руки. Ее сердце готово было разбиться вдребезги о ребра: — Я сейчас вам все быстренько расскажу.

— Извините, вы уже домой собирались, а тут я!

— Да ну что вы! Я же в школе живу, два шага шагнуть. Ничего, задержусь немного.

— Я знаю, что в школе. Но все же, свои дела, Верочка вон одна, наверное.

— Так она у Семеновны, с вашей Аленкой, между прочим.

— Да? А… ну да. И еще… я бы хотел извиниться перед вами.

— Владимир? Опять? Вы же уже извинились.

— Нет. Нет. За другое. За вчерашнее. Верочка, наверное, вам рассказала? Прошу прощение за поведение моей жены.

Сима кивнула и быстро начала рассказывать Володе о том, что происходило на собрании. Сердце молодой женщины не успокаивалось.

— Степа очень способный к математике, и вы знаете, даже, наверное, больше к физике. Надо бы развивать.

— Вы так считаете?

— Да, Владимир. Я планирую организовать кружок юных физиков. Так вот: он должен прийти обязательно.

— Конечно, Серафима Андреевна. Как скажете. Придет… Обязательно отправлю. А про Аленку что скажете? Вы же и у нее математику и физику ведете.

Сима тепло улыбнулась:

— У всей школы веду! Аленка умничка у вас, но особых надежд на нее не возлагайте.

Заметив тревогу в глазах отца, быстро поправилась:

— Это в отношении математики. Насчет других предметов я не знаю. Наверняка у Алены есть другие таланты. Кстати, весь август мы читали книгу и дискутировали. Алена достаточно неплохо ориентировалась в диспуте, задавала интересные вопросы, очень грамотно рассуждала. Так что, скорее всего, она у вас гуманитарий.

— Да? Хорошо. Но вот вы же и в математике разбираетесь, и в литературе.

— Владимир, она еще все-таки маленькая девочка, а я взрослая женщина, как вы, видимо, успели заметить.

— Заметил, — кивнул Владимир и густо покраснел как мальчишка.

Впрочем, брякнув такое, Сима и сама почувствовала, как начала гореть огнем.

— У вас есть еще ко мне вопросы? — поспешно спросила она, суетливо собирая со стола ручки, карандаши, тетрадки.

Ей вдруг захотелось, чтобы этот мужчина ушел. Никто не волновал ее так за последние два года, хотя почти сразу после смерти мужа за ней пытался ухаживать учитель труда. Но она ровным счетом ничего не испытывала к тому мужчине.

А вот Владимир ее взволновал. Вдруг, откуда ни возьмись, налетело давно забытое чувство. Сима пыталась его отогнать, но ничего не вышло. Ей сделалось страшно от того, что все эмоции видны на лице, и Владимир все понял. Поэтому ей захотелось, чтобы этот мужчина ушел и больше никогда не появлялся в ее жизни. Просто исчез, и все. Но он не спешил уходить. Тогда Сима, опустив голову, тихо проговорила:

— Владимир, если у вас больше нет ко мне вопросов — я вас не задерживаю.

— Да-да, простите, — засуетился и он, будто опомнился: — И так много времени у вас отнял.

В этот момент дверь кабинета отворилась — Аленка и Вера просунули головы с вопросом:

— Уже все?

Сима несказанно обрадовалась девчонкам и легко вздохнула:

— Все закончилось, заходите.

При виде девочек Владимир тоже как-то просветлел, и от внимательного взгляда Симы не ускользнуло, что он с большой любовью посмотрел на свою дочь да и на Верочку тоже.

— Здравствуйте, дядя Вова, — поздоровалась она.

— Привет, Верочка.

— Пап, а ты чего еще здесь? — спросила Алена. — Все ж ушли!

— Задержался немного. Ну что, пойдем домой, Аленушка?

— Пап, так не хочется, — вдруг погрустнела девчушка. — Можно я еще немного у Веры побуду? Мама, наверное, опять пья…

Владимир моментально вскочил и перебил дочь:

— Аленушка, домой… Домой…надо. Там Степка один… пойдем. Спасибо, Серафима Андреевна. Пойдем мы, пора нам. Да и вам… до свидания.

— Да-да, конечно, и мы пойдем, —проговорила Серафима.

Алена, низко опустив голову, покорно поплелась за отцом. Он наклонился к ней и, видимо, сказал что-то приятное. Девочка чуть улыбнулась, обняла, прижалась и дала ему руку.

— Ну что, Веруська, и мы домой? — спросила Сима у дочери, как только Бурняевы скрылись из виду.

— Мамочка, как хорошо, что ты у меня не пьешь! Мне так жалко Алену: она очень боится свою маму, когда она пьяная. Столько всего рассказала мне… боязно мне за нее.

Сима глубоко вздохнула: ей тоже было очень жалко детей и страшно за них. И не хотелось, чтобы ее дочь так рано увидела пьянство, да еще и женское.

…Ночью, лежа без сна, Серафима без конца перебирала в памяти все недолгие мгновения встречи с Владимиром Бурняевым. Вот он постучал, Сима посмотрела на дверь, вошел, представился… такой высокий, красивый… надежный, порядочный!

Серафима Андреевна поднялась с кровати и подошла к зеркалу — его на днях принес дед Яшка: небольшое, в красивой резной деревянной рамке.

— Нак вот тебе! Ты ж баба! Поди ж, пофорсить охота. А как без зеркала-то?

Серафима в сердцах обняла деда и поцеловала в худую щетинистую щеку.

— Подумашь! — протянул дед. — Ешо чегой удумашь! Целоваться! Чегой это?

Но было видно, что деду до невозможности приятно.

— Чегой надо — скажи! Усе сделаю вама! Для вас! Для тебе и Верушки! Какая девчушка у тебе уважительная. Здравствуйте, деда! От! — дед поднял палец. — Деда!

Сказал и пошел, насвистывая какую-то знакомую мелодию. Сима потом долго вспоминала — что за песня? Да так и не вспомнила.

Улыбнувшись своим приятным воспоминаниям, она зажгла свечу и внимательно посмотрела на себя в Яшкино зеркало: в уголках глаз ясно обозначились морщины. Женщина приблизила лицо к зеркалу, провела пальцем по щеке, почувствовав гладкость кожи.

На днях Семеновна рассказывала, как бабы на деревне мазали лица растительным маслом.

— Зачем? — удивилась Сима.

— Так чтоба кожа была мягше да нежнее. Мороз наш коже-то — не товарищ. Ботинки, оне и то от мороза трескаютси, а лицо да руки — чай поди не ботинки.

Еще вчера Симе было даже смешно думать о таких глупостях, как позаботиться о лице, а вот сегодня задумалась о том, хорошо ли она сегодня выглядела перед Володей, и, может, все-таки стоит заботиться о своей внешности? И хватит уже считать себя старой.

Серафиме вдруг стало стыдно перед самой собой.

«Господи, да о чем же я думаю? Он женатый человек, у него двое взрослых детей с этой женщиной!»

Но другой голос вдруг начинал возражать: так эта

женщина — пьяница!

«Молчать! — чуть не крикнула Сима сама себе вслух, да вовремя сдержалась. — Ишь чего удумала? Семью рушить? Нет, так не пойдет. А ну выбросить эти глупости из головы! Ты еще и правда начни маслом мазаться да прихорашиваться, как девка молодая. Все! Спать немедленно. Утро покажет, что вечер не скажет. А может, матушка-ночь совет во сне даст, и утром все уйдет, будто и не было?»

Глава 7

Но утром ничего не ушло. Сердце сладостно замирало при воспоминании о Володе, а внизу живота будто что-то шевелилось, чем безмерно пугало Симу. Эти ощущения она прекрасно помнила! Так было, когда муж начинал ее ласкать.

Не ушло это чувство и вечером, и на следующий день. Серафима без конца вспоминала Владимира, его улыбку, его грустные красивые глаза, черный как смоль чуб и родинку. У Володи была родинка на лбу. Даже, можно сказать, родимое пятно.

У Веры тоже было родимое пятно на шее, довольно-таки крупное, она его очень стеснялась и всегда старалась прикрыть. Но это плохо ей удавалось. Пятно было хорошо заметно. В Волхове у дочки даже прозвище было — Пятнышко.

…После того, как Зинаида ушла в запой, Вера не ходила к Бурняевым. Зато Аленка приходила к Нистратовым почти каждый день. Иногда одна, а иногда с Мариной. Степан не пришел ни разу: видно, правильно Семеновна сказала, что навалом дел у парня будет. Симе показалось, что Вера расстраивалась, когда Аленка на ее вопрос, придет ли Степан, качала головой.

Девочки здорово подружились и много времени проводили вместе: делали уроки, гуляли по деревне, рисовали бумажных кукол. Вернее, Верочка рисовала кукол: у нее это лучше получалось, а Марина и Алена — одежки на них. Частенько подружки шептались о чем-то и затихали таинственно, когда Сима подходила к ним.

— Секреты? — шепотом спрашивала она.

— Ну, мама! — краснела Вера.

— Ладно, ладно! Секретничайте, — позволяла она и уходила к Семеновне.

От любящего, а потому пронзительного взгляда матери не ускользнуло, как краснела Верочка, когда подружки принимались шептаться, а как-то Сима услышала обрывки предложений:

— Да я сама видала, как он смотрел на тебя!

— Спрашивал у меня о тебе!

— Точно втюрился!

Серафима Андреевна с грустью и радостью констатировала: взрослеет ее доченька, влюбилась вот. Да только в кого? В кого-то из одноклассников? А может, в Степу? Ждет его, спрашивает у Алены про него, расстраивается, что не пришел. Вероятнее всего — это Степа.

Серафима частенько подмечала, как вспыхивала Верочка и краснела при его появлении, как терялась, если он к ней обращался, смущалась, если доводилось общаться.

Сима все ждала, что Вера поделится с ней, но так и не дождалась. Дочка молчала про свой секрет и лишь все чаще шепталась с подругами и даже как-то тихонько плакала, уткнувшись в подушку. Сима хотела подойти утешить, но не стала. Иногда такое нужно пережить в одиночку.

Эх! Не любишь — горе, а влюбишься — вдвое.

Матери было немного обидно, что дочь ей не доверяет, но спрашивать Сима ничего не стала, хотя было очень жаль дочку.

Серафима Андреевна вспомнила, как в седьмом классе сама влюбилась в одноклассника Федю. Столько лет учились вместе — и ничего, а тут на тебе. Парнишка был очень красив: густые чёрные волосы, глаза огромные, обрамленные длинными ресницами, широкие брови вразлет. А почему влюбилась? На субботнике Федор не дал ей тащить тяжелое ведро.

— А ну отдай! — строго сказал он и так глянул, что Сима пропала.

Потом искала его знаков внимания, ну хоть малейших! Но их не было. Радовалась безмерно, когда Федя просил списать химию. Он хорошо учился, а вот химия совсем не давалась парню. Сильно смущаясь, он просил:

— Симка, дай задачку спишу!

Сима краснела и давала тетрадку — он смотрел с благодарностью. В эти минуты она была самой счастливой на земле, хотелось объять весь мир и кричать о своей любви. Ближе к концу седьмого класса Федя стал ухаживать за Сонькой, красавицей из параллели — несчастнее Серафимы не было девочки в школе. Хотелось кому-то рассказать. Но кому? Было совершенно некому.

Серафима была доброй, мягкой, понимающей. Вера всегда и всем делилась с ней. Почему ж теперь не делится? Боится? Чего?

«Надо бы поговорить с ней как-то аккуратно!»

…Симе и самой очень хотелось поделиться с кем-то своими переживаниями, но у нее не появились такие верные подруги в деревне, как у ее дочери. Разве что баба Даша.

Через неделю любовная горячка стала настолько невыносимой, а это была именно она, что Сима решила открыться хоть Семеновне. Носить все в себе стало просто нестерпимо, как тогда — с Федором.

С бабой Дашей сложились такие теплые отношения, что Сима абсолютно все рассказывала старушке. Решила рассказать и об этой тайне.

Выслушав сбивчивые признания учительницы, баба Даша покачала головой:

— Ах ты ж незадача какая! Вон оно чегой! Понимашь ли ты, в чем дело — Володя с Зиной очень люблют друг дружку. Да если бы и не любили: негоже семью разбивать. Ой негоже!

— Баба Даша, да я и не собираюсь разбивать. Тошно мне. Делюсь с вами! Больше не с кем, — Сима чуть не плакала.

— Понимаю, милмоя! Все понимаю! Не по зубам ты местным кумушкам! Не с кем тебе дружить-то! — бабушка пожевала беззвучно губами и вдруг начала рассказ: — В сорок первом году им по осьмнадцать лет было, и оне хотеля пожениться. Володька долго до ентого Зинки добивалси. Она ево к себе дажа близко не подпускала, а потома как-то сложилоси у их на покосе. Она тада со стога упала, ногу повредила шибко, так он ее на руках до медпункта-то и снес: далеча это. С ентих пор не разлей вода сталя — везде вместя. На сбор яблок, на танцы, аль в райцентру. А тута война… проклятушая! — баба Даша промокнула уголком платка глаза и потуже затянула узел под подбородком. — Володька добровольцем-то ушел сразу. Зина вслед за им.

— Зинаида воевала? — удивилась Сима.

— А нешто это тебя так удивлят? Пошто? Воевала. Наши многия воеваля. Люба Савенко, Маша-бухфетчица…

— Тетя Маша! — ахнула Сима.

— Да! Она самая! — подтвердила Семеновна. — А сколько ешо полегло, не вернулиси. Не счесть. А Зинка… Снайперша она, знашь, сколь фрицев уложила? У-у-у! И медали есть у ее, аль ордена — не разбираюси я. Как наденеть девятого мая! Ух! Любо-дорого. Выходють с Вовкой из дома под ручку. Загляденье. Увидишь ешо их на Победу-то! Так вот опосля войны поженилиси оне. Сперва Степка родилси, потома Аленка. А потома Степан чуть не помер у их. Ой лихо было! В больнице в райцентре лежал. Зинка с им всю дорогу. Володька моталси туды-сюды. С Аленкой я сидела. Уж не знай тама, кто Зинку приучил выпивать! Ходить слух, что вродя медсестричка сама прикладываласи и ей спиртику-то давала. Ага! Ну вродя как для спокойствию. Шибко убиваласи Зинка: Степка-то совсема плох был. Ой орала! Вот и пристрастиласи. Сначала для спокойствию, а потома ужо и просто так. Ох как Володька-то страдат! Он ее и умолял, и ругал, и даже бросал.

— Как бросал? Живут же.

— Да так. Говорю жа, сильная любовь у их. Вернулси. Не могут друг без дружки. Уезжал, полгода ево не было в Бурном. Так Зинка поехала за им. Я ж за детишками ихними присматривала тада. Нашла, привезла мужа, не пила, можат, год, а можат, и меньша. Не знай, не помню,

не считала. Да все одно, — махнула рукой старушка. — Снова запила. Володьке детей жалко. Ну что ж их сиротить-то? Да и я ему сказала, а он мне: «Люблю я ее шибко, Семеновна. А так давно бы сбег. Устал я от любви своей. Можат, это и не любовь ужо вовся, а хвороба какая?» Вот так, милмоя. Крест это ево, Зинка-то. Не бросит он ее. Никада! Язви ее в душу!

Глава 8

Слушая историю своего любимого, Сима едва дышала, слезы градом лились из глаз. Каждое слово бабы Даши словно гвоздь вбивало в душу мысль: нет шансов. Никаких…

— Баба Даша, что мне делать? Я ни о чем другом думать не могу, уроки вести не могу, тем более Степа всегда перед глазами. Похожи они сильно. Да вы и сами знаете. Боюсь свихнуться.

— Да чегой тута поделаешь? Ничегой. Терпи, пройдеть. Токма глупостей не наделай. И не забывай — тута тебе не город, в деревне мы. Вот сказала мне, а даже у стен уши есть. Я могила, от меня не просочитьси. А ты одним своим взглядом или словом лишним выдать себя можашь. А народ, он какой? Не со зла, а от скуки болтать стануть. Да каждая баба от себя ешо добавить. И вот вы ужо с Володей полюбовники. Поняла меня?

— Да понимаю я… невмоготу мне. Уехать бы. Да куда? Смотрите, как Верочке здесь хорошо стало! Ведь всего один приступ был с августа, и тот через Зину. В городе уже б раз десять задыхалась.

— Ну куды ж тебе ехать? Живи, коль приехала. Ради дочки и живи. Дурь-то эту выброси из головы. Выбей! Никада он Зину, а скорее детей, не бросить.

Ничегой лишнего не допускай: от одной искры можеть уся деревня погореть, а от одной сплетни человек можеть погибнуть, но люди сюравно болтать будуть. Раньша или поздно. Будь готова, дочка! Деревня… — еще раз напомнила Семеновна. — И Зинку опасайси. Она, када пьеть, на все способная. Своих-то не щадить, а уж чужих и подавно. Бешеная она. Снайперша, одним словом.

— Поняла я, баба Даша.

— Вот и хорошо, милмоя. Возьми себя в руки-то. Работай, делай свое дело, чегой надоть, и все будеть хорошо! А если подопреть, то вот так же снова ко мне прибежишь, — Семеновна крепко обняла Симу, прижала к себе: женщина разрыдалась горько и надрывно. Она будто прощалась со своей вдруг такой горячей нечаянной любовью.

«Права баба Даша, чего я вздумала нюни разводить! Какая там любовь, мне о Верочке думать надо! Все! Хватит. Пострадала и будет!»

Но напоминание о так тщательно скрываемых чувствах вдруг пришло совершенно с неожиданной стороны.

…Празднование сорок второй годовщины Великого Октября прошло в Бурном с размахом. Председатель провел собрание для сельчан, на котором был избран президиум — в него пригласили и Серафиму Андреевну. Она смущаясь поднялась на сцену, ловя на себе десятки глаз. Но одну пару она узнала бы и из тысячи. В третьем ряду сидел Владимир Бурняев, он пристально смотрел на учительницу, проводив ее взглядом почти до места. Его глаза горели бешеным огнем, сродни любовному. Так на Симу смотрел только муж. Но как только он понял, что она увидела, как он на нее смотрит, мужчина мгновенно отвел глаза, тут же обнял жену, Зинаида с готовностью прижалась к мужу.

Сима недоумевала: она как девчонка-шестиклассница, как ее Веруська, думала об этом весь вечер.

«Почему он так смотрел на меня? Почему отвел взгляд? Почему так испуганно отвел взгляд? И вмиг обнял жену». Собрание закончилось, начался концерт. Зинаида Бурняева выступала — пела частушки.

Когда Сима услышала ее фамилию, то сердце заколотилось от волнения так, будто была тяжело больна. Она пристально рассмотрела жену своего любимого.

Что и говорить — Владимира можно понять, потому как Зина была очень хороша собой: светлые, богатые волосы были убраны в красивую прическу, слегка расположившую талию подчеркивал узкий черный кожаный ремешок, немного полноватые, но красивые ноги были обуты

в полусапожки на шнуровке и на каблучках. Даже издалека было видно, какие у женщины красивые глаза и тонкие, будто нарисованные брови. И пела она очень хорошо, да и чечетку славно отстукивала. Но главное не это. А то, что ее муж Володя смотрел на свою жену не отрываясь, улыбался, а когда она закончила петь и танцевать, то встрепенулся и принялся неистово бить в ладоши и радостно свистеть.

После концерта Сима собралась уйти домой вместе с бабой Дашей, да только Михаил Бутеев перегородил ей дорогу:

— Да куды ж ты собраласи, Андревна? Не. Так не пойдет. С народом надо. Давай-ка оставайси. Танцы счас начнутси.

— Михаил, да не танцую я. Домой мне надо. Веруська одна.

— Не одна, вона Семеновна домой пошла. Да чегой это ж? Каникулы ведь у ребятни. Значат, и ты посвободнее. Ну хоть пару танцев станцуй. Неудобно. Ты у нас личность-то заметная в деревне. Учителка. Люди болтать начнут: не уважат, мол. Сбегла.

— Хорошо, — кивнула Сима. — Останусь ненадолго.

— От и хорошо! Молодец, Андревна.

Грянула музыка, и первые пары закружились в танце. Володя со своей женой Зинаидой среди них. Такие радостные, довольные, и видно, что действительно влюбленные друг в друга. Потом второй танец — и они снова вместе. А потом Сима упустила их из виду: ее пригласил совсем молодой механизатор Андрей Иванов. Серафима пробовала отказаться, да ничего не вышло. Андрей был настойчив — пришлось сдаться под его напором.

Танец закончился, пары Бурняевых видно не было. Начался следующий, и Сима к своему ужасу увидела, как нетвердой шатающейся походкой в зал вошла Зина Бурняева. Она была пьяна. Когда и где успела? Да дурное дело не хитрое. По залу побежал шепоток. Сима прошлась взглядом по залу: Володи нигде не было видно. Зинаида подошла к Михаилу Бутееву, что-то сказала ему, и вот уже они летят по залу в танце.

Сима снова поискала глазами Володю, но его по-прежнему не было. А Зина слишком громко смеялась, и Михаил, ведя ее в танце, что-то говорил ей прямо в ухо, но она лишь презрительно смеялась. Вдруг пара неожиданно остановилась, хотя музыка продолжала играть, на них налетело несколько пар, Зина согнулась пополам, и ее вытошнило прямо на пол.

— Говорил тебе, не ешь ты эту картошку. Прокисла она, — наигранно громко сказал Михаил, хотя его могли услышать только те, кто был рядом, и под всеобщие неодобрительные взгляды сельчан увел Зину. В дверях они столкнулись с Володей — видно, он выходил покурить. Бутеев что-то сказал ему, тот стал таким бледным, а потом красным, что Сима даже испугалась — как бы чего не вышло. Михаил вернулся в зал, а Бурняевы спешно ушли. Вернее, Володя утащил жену. Она не хотела уходить, сопротивлялась, что-то бормотала.

Сима тоже решила уйти, ее всю трясло. Настроения танцевать и так не было, а теперь оно пропало совсем. Женщина поняла, что ей непременно нужно поговорить с Семеновной прямо сейчас, рассказать обо всем, иначе разорвет от эмоций. Баба Даша после собрания сразу ушла домой.

— Стара уж для танцев, стара! — сказала она Симе. — А раньша-то меня и пинками бы отсюдава не вытолкаля. Больно охоча я была до танцев. А чичас ногя болять. А ты заходи ко мне опосля, чайку пошвыркаем.

…— Баба Даша! — кинулась Сима к старушке на грудь, только войдя в хату. — Он смотрел на меня. Пристально. Не как на всех женщин.

— Не выдумывай, — строго сказала бабушка, поняв о ком говорит Серафима, — и откудава тебе знать, как он на других баб смотрить? Ты чегой, следишь за им рази?

Семеновна вмиг все поняла, но она совсем не хотела обнадеживать девку и говорить ей сейчас: да, конечно, он неравнодушен к тебе.

Напротив, Семеновна постаралась вывести Симины надежды в совсем другое русло.

— Показалоси тебе, аль просто смотрел как и все на тебя. Ну а пошто нет-то? Ты учителка, учишь ево детей. Тебя в прехзидим выбраля. Вот и глядел. Глаза для ентого и нужные, чтоба зыркать.

— Да, но когда он понял, что я поймала его взгляд, тут же жену обнял.

— Вот видишь! — ухватилась тут же Семеновна. — Обнял Зинку. А пошто? Чай люблит ее, и се'мья у их. Сима, ну хватить. Ни к чемуй хорошему енто не приведеть. Давай-ка лучша чаю выпьем, дочка.

— Нет, Семеновна, — горестно покачала головой Сима, — я домой пойду. Поздно уже, да и Веруська одна. Напилась она…

— Ктой-то? — перепугалась баба Даша. — Веруся? Ты чегой болташь? Чегой напиласи?

— Зина Бурняева напилась. Вырвало ее прямо при всех. Миша замял это, вывел ее. А потом они с Володей ушли. То есть уволок он ее, не хотела уходить.

— От же зараза такая! От же зараза! Ну иди, иди домой, Симушка. Я Верусю проводила, у хате она.

Семеновне не хотелось развивать тему про пьянство Зинки. К чему? Это может дать ей хоть слабую, но надежду на то, что Володе это когда-нибудь надоест. И вот тогда…

Глава 9

Придя домой, Сима была крайне удивлена: у них сидела Аленка. Девочку всю трясло, а Веруська утешала ее.

— Аленушка! А ты почему у нас так поздно? Почему домой не ушла? — спросила у девочки Сима.

— Серафима Андреевна, можно я у вас сегодня останусь? Мама… она… понимаете… — девочка горько расплакалась.

«Да что же это такое? — мысленно возмутилась Сима. — Почему Володя бездействует? Дети страдают. Он должен что-то решать».

Но тут же пресекла саму себя: «Пусть живут как знают. Не мое дело! Все, точка. Я человек пришлый. Никто не вмешивается столько лет! А мне что, разве больше всех надо?»

— Аленушка, а папа знает, что ты у нас? — задала уместный в данной ситуации вопрос Серафима.

Девочка покачала головой и прошептала:

— Нет, никто не знает, я тихонько ушла. Она кричать начала, посуду бить, на папу с кулаками кинулась, кричала, что он… что он… — девочка не договорила, рыдания не дали этого сделать.

— Аленушка, милая моя, — Сима обняла и прижала девчушку к себе, — тогда я не могу разрешить тебе остаться. Как же так? Нельзя. Папа будет волноваться!

— Серафима Андреевна… я…

Я… не… хочу домой. Пожалуйста… пожалуйста… можно… я останусь? Не гоните… Меня…

Девочку стало так сильно колотить, что Сима испугалась, тем более, глядя на нее, расстроилась за подругу и Верочка. Сима в ужасе отметила, что Вера слегка подсвистывает, да и Алена очень тяжело дышит.

«Господи, только бы не приступ! Да и Аленке плохо совсем!»

— Мамочка, пусть Алена останется. Прошу тебя! Пожалуйста, — прошептала Вера, губки ее дрожали, в глазах стояли слезы.

— Хорошо, хорошо, девочки, я тогда сейчас схожу к Алене домой и предупрежу, что она у нас. Чтобы не волновались и не искали.

Алена улыбнулась сквозь слезы и кивнула:

— Спасибо… вам…

— Мама, спасибо! — обрадовалась и Вера. — Пойдем, — увлекла она подругу. — Я тебе сейчас самую красивую куклу нарисую, какой еще никогда ни у кого не было. Ты только не плачь, а то и я плакать начну, а мне ж нельзя.

Подружки обнялись и пошли к столу.

А Серафима, скрепя сердце, отправилась к Бурняевым.

Путь до их дома показался очень длинным. Сима шла, медленно загребая ногами уже подгнившую мягкую свалявшуюся листву.

«Надо сосредоточиться и только сказать ему про Алену. И все. И сразу развернуться и уйти. В глаза не смотреть. Коротко сказать — Алена у нас! Не волнуйтесь. И уйти, сразу же!» — приказывала она себе.

Деревня тихо готовилась ко сну, в некоторых хатах уже не было света. Стояла звенящая тишина, которую лишь время от времени прорезал ленивый собачий лай.

Бояться было некого, но Симе стало боязно, а скорее неприятно двигаться по будто вымершей деревне. Оно и понятно, народ в клубе, и лишь древние старики отогревают свои бока на печках.

В доме Бурняевых горел свет, но никаких звуков слышно не было. Только коснулась Сима калитки, скрипнула дверь, и на крыльцо вышел Володя. Серафима совсем не была готова к такому развороту событий, а потому немного растерялась и попятилась. Растерялся и Владимир:

— Серафима Андреевна? А я к вам собирался. Что случилось? Почему вы пришли? — заволновался отец. — Аленка у вас? Ее нет дома.

— У меня, у меня, — зачастила Сима, — не волнуйтесь, Владимир, все хорошо. Я пришла попросить вас — пусть она у нас останется. Они так меня просили… обе. Порисуют, потом лягут вместе, пошепчутся, похохочут, я построжусь на них, чтобы спали, а утром книжку почитаем. Баба Даша блинчиков напечет, поедим с вареньем или медком. И домой придет Аленушка.

Сима намеренно не стала говорить о том, что Алена плакала и боялась идти домой.

— Пусть заночует, — нерешительно кивнул Владимир. — Я рад, что они дружат.

Сима тоже кивнула и уже собралась уходить, но Володя ее окликнул:

— Серафима Андреевна…

— Да?

— Спасибо вам.

— Ну что вы! Не за что. Все нормально.

— Ненормально, — вдруг сказал Володя. — Ничего нормального нет.

Он спустился по ступенькам и подошел к Симе. Она, нарушив все обещания, данные себе, посмотрела ему в глаза.

— Устал я. Понимаете? Не знаю, что делать. Когда мужик за воротник закладывает — так вроде и нормально. Привычно. Если уж совсем невмоготу, так баба детей в охапку — и прочь от него. А мне как же быть?

И было столько боли и горечи в его словах, что Сима поняла: его подперло так, что просто край.

— Не знаю, Володя, но когда страдают дети — это страшно. Ведь заболеть могут. У нас все хорошо было, а Верочка все равно заболела.

— Как заболела? Вера болеет? — спросил Володя.

Сима кивнула и хотела сказать, что именно поэтому они здесь, в деревне, а иначе…

Вдруг через дорогу от дома Бурняевых хлопнула дверь, и на веранде мелькнула тень женщины.

— Это Вера, она видела нас. Не ходила в клуб, младший болеет у них. Завтра слухи поползут, — досадно проговорил Володя.

— Да какие же слухи? О чем тут их распускать? Мы ж просто разговариваем.

— А Вера именно по простоте брякнет: Володька, мол, с учителкой вчерась стоял у калитки поздно вечером. А знаете, что дойдет на тот конец деревни?

— Могу себе представить, — улыбнулась Сима. — Не слыша — слышали, не видя — видели.

— Поверьте — будет не до смеха.

— Володя, но мы-то с вами знаем, что просто стояли… стоим… и говорим о детях. И вряд ли могло быть по-другому. Я учитель, вы родитель. Это ж логично. Рядом с вашим домом стоим.

— Да… какая там логика! Откуда у сплетниц логика? Языки по два метра распустят — и айда пошел! Знаете, в прошлом году так доярку нашу ведь до смерти довели. А Анка просто Игнатовским детям чашку малины принесла. Жена его, Гутя, в райцентре в больнице лежала. Знаете, чего ей вот та же Верка наговорила, когда она домой пришла? — Володя махнул рукой. — Повесилась Анка.

Ледяной ужас прокатился по всем внутренностям Серафимы.

— Мы-то знаем… с вами, да! Просто стоим, просто говорим… За себя отвечаем. Ладно, Серафима Андреевна. Спасибо, что предупредили про Аленку. А то я уж волноваться начал. Давайте я вас провожу.

— Не нужно! Пойдем по деревне — нас не только Вера увидит! — Сима отшатнулась от Владимира.

— И что? — с вызовом спросил он. — А будет лучше, если я — взрослый мужик, испугавшись, что кто-то что-то себе вообразит про нас и разнесет завтра по всей деревне, зайду сейчас в дом, а вы одна ночью до школы отправитесь? Правильно ли это будет? Чему ж я смогу Степана научить, коль так поступать стану? А может, потому вся деревня так и живет? По принципу — лишь бы никто ничего не сказал! Так? А потому могут предать легко, за женщину не заступиться, детишек голодных не покормить, соседу не помочь в трудную минуту! Так жить надо? Как бы чего не вышло? А вдруг кто подумает, что я ее того… и жене донесут? Так? Не привык я в страхе жить и за всех думать. А от вас не ожидал, Серафима Андревна. Испугались? — и он с вызовом глянул на учительницу. — Коль нет дурных помыслов, так чего ж бояться? Я ж не на сеновал вас зову. Дайте доброе дело сделать. Не мешайте мужиком быть.

— Пойдемте! — неожиданно для самой себя согласилась Серафима.

Шли молча, и Володя, и Сима неоднократно пытались начать говорить о чем-то, да язык будто прилипал к небу, не давая произнести и слова. Так и дошли до школы, тогда Володя еще раз сказал:

— Спасибо вам, — помявшись добавил, — а знаете, я вот просыпаюсь утром и думаю о том, что мои дети сейчас пойдут в школу, а там вы — и так мне светло становится… хорошо… и завидую я им… они вас каждый день видят… слушают вас! Книжки читаете…

— Володя, не надо… Вы что!

— Ох, Серафима Андреевна, простите меня. Простите, я что-то не то сказал. Спокойной ночи.

Бурняев быстро ушел не оглядываясь.

А Серафима стояла остолбенев, не в силах двинуться с места.

Глава 10

На следующий же день, накормив Серафиму и Веру обедом, баба Даша сказала:

— Веруся, поди-ка домой покамест, а мы с твоей мамой пошепчемси.

— Как мы с подружками? — улыбнулась девчушка.

— Как вы с подружками, — Семеновна сунула любимице конфетку.

— А мне нельзя с вами пошептаться? — спросила Верочка с надеждой.

— Ты же не позволяешь мне шептаться с вами! — с вызовом сказала Сима и взглянула дочери прямо в глаза.

Вера опустила голову:

— Прости, мамочка! Но это пока секрет.

— Ну иди, иди, — подтолкнула Семеновна девочку к двери, не очень-то понимая, о каких секретах между мамой и дочкой идет речь.

«Ну енто ужо самя разберутси, без мене».

Как только Верочка убежала, чмокнув обеих женщин и шепнув матери: «Не обижайся, скоро все расскажу», баба Даша сказала Симе:

— В сельпо я утром ходила за крупой. Манка у нас закончиласи. Гудить деревня-то. Как я тебе и говорила. Ты токма подумала о ем, а народ ужо вас… в одну постелю уложил. Сама понимашь. Скажеть на ноготок, а перескажуть с локоток. Все ужо было у вас будто… Хотя ничегой и не было.

— Уже? Так быстро? Да, правда, не было ничего, баба Даша, и не могло быть, и не может быть! — и Серафима рассказала Семеновне о вчерашней ночной гостье у себя дома, о своем походе к Бурняевым, и о том, что Вера Бутеева видела их, и как Володя потом настоял, чтобы проводить, а после шли к школе, и как он сказал, что завидует своим детям, а сказав, быстро убежал, не попрощавшись.

— Не одна пара глаз-то видала вас, значица, — покачала головой баба Даша. — Ой худо!

— Нам никто не встретился…

— Енто ты так думашь. Ежеля до Зинки дойдеть… не знай чегой будять. А я им рты, конечно, позакрывала, сплетницам энтим, дурам нашим, кому делать нехрен, язви их душу. Напомнила про Анечку. Да ты не знашь, поди? Повесиласи жа девка у нас от злых языков. Эх, лихо.

— Володя рассказал вчера…

— Вроде присмиреля балаболки, примолкля, как я про Анку-то напомнила. Да надолго ли? На чужой рот пуговицы-то не нашьешь, как бы не хотелоси. Худо тебе будет, Симка. Ох худо! Чистая ты, а тебе с грязью смешають. У тебя и в мыслях нет, а тебя к ему подложуть, чтобы о чем поговорить у сельпо было. Ты и виду не покажашь о своей любови, а скажуть, что ты к ему набиваесси, на шею повесиласи при всех. Ты токма у классе сидишь, вокруг школы да в лес ходишь с дочкой, а кажуть, что губы намазала и по деревне гуляла и всем рассказывала. Ты молчишь о своей любови, а скажуть, что на кажном углу лясы точишь. По себе ж судють, дочка. Какия самя — такимя и все им кажутси вкруг. А Валька Захарова, так та вобше — платок на голову, и айда пошел по домам-то. Скотина некормлена у ее, дети немытыя, мужик не обихожен, огород не продран. А она… мать ее растудыт за ногу, язык распускат. Такой народ у нас. От скуки. Куды ж у людей доброта ж подеваласи?! Вот жеть война не так давно кончиласи, а люди другия сталя! Ой другия, Симка. Особливо молодежь! Кто у сороковом родилси, тем уж двадцать годов! Взрослыя, а войну не видаля, и другия оне потому, а мнению имеють и языками метуть. А мы чуть хлеба наелиси — и ну друг на друга кидатьси, — баба Даша вытерла невидимые слезы, подвязала платок потуже. — Тверезая-то — Зинка тихая, слова худого никому не скажат, сплетни не носить и не слушаеть, ни с кем не знаетси, у сельпо, как

эти дуры, не топчетси. Купила, чегой надо, поздороваласи сквозь зубы — и домой. А напьетси — зверем становитси. Ох, страшно мне за тебя, милмоя. На все она способная. Знашь чегой… она ведь Мишку-то Бутеева ножом пырнула. Слава Богу, обошлоси.

— Как же так? Да за что же? — отшатнулась Серафима.

— Мишка и Володька — друзья с малолетству, закадычныя, и родителя ихния дружили шибко, и робята ихния дружуть. Ты сама знашь. Мишка с Вовкой и воеваля местя. Всю войну прошля под одной шинелкой. От так. Када Зинка пить начала, а Вовка страдать из-за ентого, Мишке тожеть больно было видеть страдания друга своева. Так вот он, дурак глупой, решил ее приструнить. Пустое! — баба Даша махнула рукой. — На ее никто не можат подействовать. Ее ж дажеть на партсобранию вызывали. Да! А чегой ей? Она ж не партейная. Так вот Мишка ее песочить, а она как схватила ножик, пьяная жа была, и как кинуласи на ево, пырнула, да кудый-то попала неудачно. В обшем, в больнице он оказалси. Долго лежал, ой долго. Всем сказали, что осколок. Слава Богу, все обошлоси. Так Вовка упросил Мишку заявление не писать. Да Мишка и не собиралси. Ножом! Понимашь? А Мишка — мужик. Здоровай. Ты ж понимашь, Симушка.

— Ну что ж, она меня резать придет, что ли? — развела руками Серафима. — За что? За то, что дочку ее приветила и об этом пришла сказать, чтоб не волновались? За то, что Володя, как настоящий мужик, проводил учителку до дому? За то, что ничего нет между нами, и быть не может? Так если за это, то тогда да — есть за что. Пусть приходит и режет.

— Ох лихо, лихо! — горестно запричитала Семеновна.

— Всяко возможно, дочка! — Семеновна обняла Симу. — Беречьси посему надоть от ее. Я вот поговорю с Анной Федоровной, надо ба школу замыкивать на ночь.

— Баба Даша, не надо. Не боюсь я никого, тем более Зинку. Фашиста не боялась, а тут пьянь какая-то.

— Ой, Симушка, так я за вас опасаюси. Родныя вы мне стали! Понимашь ты меня аль нет? Чегой же, мне опять терять? А вдруг Верочка испужаетси, да плохо ей станеть? Вот иде лихо-то закопано.

— Баба Даша, все будет хорошо! — пообещала Серафима, а у самой на душе прочно поселилось беспокойство. Не за себя — за Веру. Пьяный не разбирает, кого бить, и не помнит, кем битый бывает.

…Но через пару дней в деревне произошло более серьезное событие — и сельчане подзабыли о Симе и Володе. Течением на берег вынесло покойника: всей деревней бегали на реку, смотрели, обсуждали, строили предположения, потом приехал участковый, проводил опознание. В общем, не до амурных дел учителки и механизатора стало людям.

…С Володей Серафима не виделась почти три месяца. Нужно было проводить родительское собрание, а Сима не решалась. Она ругала себя за то, что личное стало мешать общественному. Собрание проводят в начале каждой новой четверти. А вот она — новая! Идет уж третья неделя, и все классные руководители давно провели собрания, без него остался лишь седьмой класс. Серафима Андреевна настолько затянула с мероприятием, что по этому вопросу ее даже вызвала директор. Анна Федоровна, фронтовичка, была очень строга, ее боялась вся школа. Да что там школа — вся деревня опасалась.

— Что ж вы, Серафима Андревна, тянете с собранием? В чем причина? — постукивая карандашом по столу, спросила директор.

— Анна Федоровна, проведу обязательно, — холодея от пронзительного взгляда директора, промолвила Сима, — материал готовила.

— Будьте добры, не затягивайте больше.

— На этой же неделе проведу. Обещаю! Сегодня понедельник, в пятницу будет собрание. Вы не возражаете?

— Я только за. А может, пораньше? Хотя ладно! Делайте, как вам удобно.

Сима собралась выйти из кабинета, но Анна Федоровна вдруг окликнула ее:
— Постойте, я хотела с вами поговорить…
— Да, конечно, — Серафима Андреевна снова присела, сердце ее тревожно забилось. «О чем еще хочет поговорить директор, ведь все уже обсудили!»

Глава 11

— Как вам вообще у нас? — вдруг смягчилась Анна Федоровна, остановив вопросом Симу: — Что-то мы с вами, Серафима Андреевна, ни разу по душам так и не поговорили. Мой промах. Прошу простить. Вот вас ругаю, что с собранием затянули, а сама, видите как — с новым сотрудником на контакт не вышла. Замоталась, — Анна Федоровна потянулась за папиросами, но передумала и, наоборот, сложила пачку и спички подальше, в шкафчик: — Дурная привычка у меня, еще с фронта осталась. Никак не могу бросить… а надо бы, дети ж вокруг. Хотя и прячусь, не афиширую… Но деревня есть деревня. Не спрячешься, как не прячься. Все обо всем знают! Иной раз о тебе лучше тебя самой. Так как вы поживаете у нас? Простите еще раз меня, что не уделила внимание.

— Ничего! Что вы! — смутилась Сима. — Все хорошо у нас. Устроились, быт налажен. Нравится нам: и мне, и Верочке. Спасибо вам большое.

— А с кем дружите? Как досуг проводите?

— С Дарьей Семеновной хорошо общаемся. В свободное время, которого очень мало, гуляем с дочкой в лесу, к озерку ходим. Красиво там! Воздухом дышим, природой любуемся. Вы же знаете нашу проблему.

— Да, знаю, — кивнула директор. — А также знаю, что дети любят вас безмерно, я бы сказала обожают, предметы вы ведете отлично. Библиотеку организовали — очень ценю. Кружок по физике, книжку раз в неделю читаете и обсуждаете, с отстающими дополнительно занимаетесь, в лес ходили с ребятами, на озеро. Все знаю. А поговорить некогда! Прозвище у вас уже есть — весьма лестное! Знаете вы его? — улыбнулась строгая директор.

Сима кивнула. Знаю, мол!

— Серафимушка! — ласково пропела директор и рассмеялась, а смех у нее оказался такой по-детски звонкий, будто колокольчик зазвучал. — Вам подходит это прозвище. Вы женственная, нежная, красивая!

Сима вспыхнула:

— Ну что вы, Анна Федоровна!

— Да, да. Я знаю, что говорю! Не спорьте. Знаете, как они меня называют? — директор расхохоталась.

На этот раз смех был похож на смех паренька. Сима смущенно кивнула. Знаю, мол, и ваше тоже, все знают.

— Дядя Федор! — все-таки сообщила директор, несмотря на то, что Серафима кивнула. — И не случайно. Потому что я мужик в юбке! Спуску никому не даю. И не дам! Я уважаю вас и боюсь потерять. Не дай бог уедете. А потому, Серафима Андревна, не будем ссориться, давайте-ка, голубушка, проводите собрание. Ведь это ваше единственное нарекание! Не так ли? Никаких других претензий лично у меня к вам нет! Лишь одна благодарность. Да и родители все время благодарят. Я на днях в сельпо за хлебом зашла — так о вас бабы говорили.

Сима вскинула глаза на директора, сердце ее гулко застучало. Бабы… в сельпо… известное дело, о чем говорили.

— Молодец вы! Внеклассную работу тоже так здорово ведете. Не было у нас такого раньше. Не безразличны вам дети. Учителя ведь как у нас: провел урок — и домой бегом. Огород, куры, корова. Наверное, к лучшему, что у вас ничего этого нет. Да, всем известно про беду Бурняевых, да вот никто особо вмешиваться не хочет. То ли боятся, то ли все равно людям. Только сплетни распускают, а помочь — ни у кого и в мыслях нет. Признаться честно, даже я замалчиваю эту проблему. А ведь неправильно это! Беда этой семьи уже давно перестала быть их личной. Их дети страдают, другие видят. Нельзя так. А вы молодец, приветили Аленушку. Глазки у нее вон как засияли. Так вот, деревня об этом и гудит.

Что Аленка чаще у вас бывает, чем в доме родном. А народ у нас какой?! Кто-то в заслугу вам ставит, а кто-то и дурное увидит там, где его в помине нет.

Не стала умная, видавшая виды фронтовичка поддаваться всеобщей болтовне. Правильный сделала вывод, разделив сплетни на два, а то и на три. Да еще и пристыдила баб за то, что языки распустили, хотя они при ней ничего такого и не говорили. Боялись.

Директор поднялась, давая понять, что разговор окончен, дружески пожала руку Серафиме Андреевне:

— Будут вопросы — непременно обращайтесь. Всегда помогу. А слухи у нас ползут, будто змеи весной из своих убежищ, не замечай их — так и не укусят. Не бойся их — так и не заметят. Живи свою жизнь — мимо проползут. Да, кстати, Серафима Андреевна, я ведь книги заказала по вашей просьбе в городе. Из самой Москвы прислали. Надо бы поехать в облоно, забрать. Только все никак не соберусь: то одно, до другое.

— Да вы что! — обрадовалась Сима. — Так давайте, я съезжу? Я, наверное, посвободнее, чем вы!

— Да вы что ж, думаете там штук десять книжонок? — рассмеялась Анна Федоровна. — Ну нет! Берите выше. Там около пятидесяти книг художественной литературы, столько же научно-популярной, а еще журналы, брошюры! В общем, настоящую библиотеку будем открывать — вам полставки библиотекаря дам! Согласны? Мы с Лексеичем на днях обсуждали это. Так вот… Хотя, нет, он вам сам скажет. А за книгами если съездите — буду вам безмерно признательна. Лексеич машину даст.

— Так прямо в субботу и поеду! Анна Федоровна! Чего ж тянуть, — Сима радовалась как ребенок.

— Добро! Добро! — директор вновь потянулась за папиросами, и на этот раз привычка пересилила — прикурила Анна Федоровна.

Выйдя из кабинета директора, Серафима выдохнула и тут же приняла решение провести собрание не откладывая — в пятницу, а в субботу — за книгами, — может, из родителей кто-то согласится помочь. Себе же дала зарок: никаких контактов с Владимиром. Все только по делу, и только в присутствии людей. Чтобы все видели и слышали, о чем они говорят.

…Вечером следующего дня Вера сидела за столом и рисовала.

— Мама! — вдруг вскрикнула она. — Там кто-то прячется.

— Где? — обеспокоилась Сима и чуть привстала.

— Только что кто-то промелькнул.

— Веруська, да мало ли кто мог пройти. Чего ты всполошилась?

Сима постаралась успокоить Верочку, хотя и сама встревожилась. Окна их комнаты выходили на задний, довольно-таки узкий двор школы, и там, как правило, никто никогда не ходил, кроме них самих.

Чуть позже, позабыв о странном госте под окнами, Сима и Верочка, как всегда, вышли прогуляться вокруг школы. Мороз крепчал, но Сима не изменяла указанию, данному врачом — прогулки перед сном в обязательном порядке в любое время года и в любую погоду.

Маршрут у мамы с дочкой был один и тот же — делали пять кругов вокруг школы, а потом обязательно навещали Семеновну. Иногда ненадолго, а иной раз засиживались и допоздна.

Завернув за угол школы, Вера громко вскрикнула:

— Мама, смотри! Кто-то лежит.

Под их окном действительно кто-то лежал.

Сима сразу же кинулась к человеку, это была женщина, она лежала в странной позе лицом вниз.

— Вера, помоги мне.

Им с трудом, но удалось перевернуть ее на спину. Женщина была очень тяжелая, и это была… Зина Бурняева. Оказавшись на спине, она захрипела. Сима склонилась над ней, остро почувствовала запах самогона, чеснока и еще чего-то малоприятного. Бурняева была пьяна.

— Зина, вы слышите меня? Что с вами? Зина, ответьте.

Но пьяница лишь на мгновение открыла глаза, что-то невнятно промычав.

Вера уже плакала навзрыд и спрашивала:

— Мама, она живая? Живая? Мама, она умерла? Мама!

— Нет, что ты, Верочка? — Сима отчетливо услышала, что Вера сипит, и ей стало страшно. Так начинался приступ.

— Что ты, моя хорошая! Она живая, конечно. Ты что! Нам одним с тобой не справиться. Что же делать? Как же нам быть?

Симе было страшно отправлять Верочку одну к Бурняевым, но и оставить девочку около невменяемой Зинаиды она не могла. Надо бежать за Володей, иначе Зина окоченеет, она уже и так почти без сознания.

— Так, быстро пошли к бабуле, — приняла решение Серафима. Бегом добежали до домика Семеновны.

— Беги к бабе Даше и сиди там, я приду за тобой. А я за дядей Володей.

Девочка кивнула и скрылась за калиткой, а Сима кинулась в деревню.

Пока она бежала так быстро, как только могла, в голову пришла страшная мысль. Она как тонкой иглой пронзила сознание, и стало так больно, что Сима даже остановилась.

«А что если никуда не ходить?»

Серафима отшатнулась от самой себя! Ей стало жутко от этой гадкой мысли, которая вдруг поселилась у нее в голове. «Откуда она взялась? Никогда, никогда я не смогу бросить человека в беде, если только он не фашист».

Глава 12

Откинув шальную мысль и как следует отругав себя, Сима еще быстрее побежала к дому Бурняевых.

Открыв калитку, она в два прыжка оказалась на крыльце и рванула дверь на себя. Миновав сени, вбежала в хату.

— Степа, Владимир, кто дома? Там Зина… около моего окна…лежит. Плохо ей… быстрее… замерзнет… — закричала она и упала почти без чувств на лавку.

К ней тут же подскочил Володя:

— Что случилось, Серафима Андреевна? Что с Зиной? Где она? Степа, быстро одевайся.

— Я ж говорю, — слабым голосом повторила Сима. — Под моим окном… лежит… Она ходила у нас под окнами вечером. Мы пошли гулять только что, а она лежит, — Серафима как-то враз обмякла, у нее совсем не осталось сил. — Володя, быстрее… замерзнет. Мороз окреп: градусов двадцать пять…

Не медля ни секунды, Володя крикнул сыну:

— Степа, одеяло возьми!

Отец и сын, едва одетые, выскочили из дома через секунду.

Сима огляделась: везде порядок, чистота. На печи стоит чугунок, наверное, с кашей или со щами. Аленушки не было в хате. Видимо, она гостила у Маришки. Верочку девочки тоже звали, но Сима не отпустила. Намедни дочка получила тройку по географии, и Сима заставила ее учить три параграфа вперед.

Отдышавшись немного, повязав платок потуже, который содрала с головы забежав, Серафима спокойно вышла из хаты Бурняевых и пошла к Семеновне другой дорогой: ей совсем не хотелось вновь встречаться с Володей и его семейством. Прибежала, сообщила — дальше пусть сами.

Верочка и баба Даша ждали Симу в нетерпении.

— Ну что там? — крикнули они хором, только она зашла в хату.

Сима кивнула:

— Все хорошо — сказала, побежали, одеяло прихватили, принесут как на носилках.

— Тебя видел кто? — встревоженно спросила Семеновна.

Сима враз поняла, о чем беспокоится Баба Даша.

— А как вы думаете, Семеновна, осудили бы меня в деревне, если бы я не пошла звать на помощь Володю? Ну как же! Следуя взглядам на жизнь некоторых сельчан, я должна была бросить Зину на морозе у себя под окнами умирать, лишь бы только не заходить в дом к Бурняевым, чтобы кто-нибудь, не дай Бог, не увидел, что я зашла к ним!

Сима устало посмотрела на Семеновну:

— Да, конечно, баба Даша, не сомневайтесь. Меня обязательно кто-нибудь да видел: как я к ним заходила или как потом выходила. Интересно, какие сплетни потекут завтра по деревне? Что я с Вовкой прямо при Степке в кровать увалилась, пока Зинки нет? Или что? Так как? — Сима строго посмотрела на Семеновну. — Не надо было Зинку спасать? Пусть бы помирала под моим окном? Так снова ж не так! Опять же обвинят: де, такая-сякая, не помогла бедной женщине! Оставила помирать! А если бы мы и вправду гулять не пошли? То что? Все! К утру сосулька бы под моим окном лежала, а не Зинаида Бурняева.

По лицу бабы Даши текли слезы, Верочка тоже плакала. Бедная девчушка вообще не понимала, о чем говорит мать. Но ей было совершенно понятно, что мама страдает.

— Миленькая ты моя! Ясная зоренька ты! — Семеновна обняла Симу, а потом и Веру. Девочка порывисто обняла бабушку.

— Ты токма глупостев, как Анка, не наделай. А? Обещаешьси мене? — всхлипнула Семеновна.

— Не дождутся! — твердо сказала Серафима. — Еще чего. У меня дочка совсем маленькая. Мне ее поднимать и поднимать. Я имею право на любые чувства, и никому от них не худо. А сплетницам деревенским все равно о чем болтать. А дайте-ка мне вашего чайку, Семеновна, — неожиданно попросила Сима так, будто не чай, а сто грамм хотела выпить. — Меня трясет всю. То ли от мороза, то ли — сама не знаю от чего.

— Чичас, чичас! — засуетилась Семеновна, заварила успокаивающего травяного чаю и вправду капнула туда чуть-чуть своей знаменитой вишневой наливки.

— Совсем на тебе лица-то нет. А можат, и правда? Надо было бросить эту дуру в снегу. А? Пусть бы замерзла, язви ее. Прости Господи, мою душу грешную.

Семеновна трижды перекрестилась.

— Чегой под окнами твоими шастала пьянчуга эта? Либошто задумала недоброе? Ох, лихо какоя! У меня ложитеси севодни. Вона на печь полезайтя, а я на перину. Не пущу никудой.

Сима была безмерно благодарна Семеновне, она реально не могла сделать и шагу.

И хорошо, что остались. Ночью у Верочки случился приступ. Сима лежала без сна и услышала, как дочка тяжело задышала.

Лучше всего девочке помогала теплая вода маленькими глоточками, и еще отвар из травки, который баба Даша добавляла в воду.

«Господи, какое счастье, что мы остались! — думала Сима, вся трясясь от страха за дочку. — Как бы я побежала среди ночи? Надо решать этот вопрос с печкой! Хоть буржуйку пусть поставят!»

На следующий день перед началом уроков к Симе в класс зашел Степан.

— Серафима Андреевна, батя кланяться вам велел до земли за мамку.

— Ну что ты, Степушка. Все нормально.

— Он сказал, что все бы вам отдал, что дома есть, да вы не возьмете. И от меня спасибо вам! Совсем мерзлую принесли. Батя с ней до утра возился. Захворает, наверное, все равно.

Степан слегка поклонился, кивнул и ушел. Сима успела заметить, какая глубокая тоска в глазах у ребенка.

Про ту историю, как ни странно, никто ничего не болтал. То ли и правда никто ничего не видел, то ли не показалось это интересным сплетницам. Ну заскочила учителка как сумасшедшая в дом к Бурняевым, выскочили Вовка со Степкой через минуту, а она следом ушла. Ну принесли Зинку, пьяную, в одеяло замотанную. Так и что ж? Первый раз разве? Вся деревня знает, что пьяница она беспробудная.

…Чем ближе был назначенный час собрания, тем хуже становилось Серафиме. Она даже пошла к бабе Даше, чтобы хоть немного отвлечься и прийти в себя.

Старушка встретила, как всегда, приветливо:

— Симушка, заходи, дочка, айда. Я оладышков нажарила. Давай, давай, милмоя. Тебе медику или вареньица налить?

— Баба Даша, — Сима обняла старушку. — Боязно мне.

— Да ты чегой? Случилось аль? Захворала? — перепугалась Семеновна. — А ну давайка, на кровать. Расскажи все.

Старушка довела Симу и уложила на перину.

— Аль с Верочкой чегой? — Семеновна и сама схватилась за сердце.

Увидев это, Сима отругала себя: «Да что ж я такая дурная! Все живы-здоровы, и это самое главное! У меня одно на уме, а у Семеновны сколько всего сразу! Вон как она напугалась. Нельзя так! Нельзя».

Серафима вмиг пришла в себя и успокоила старушку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.